О
П633

ПРАЗДНОВАНІЕ

СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ

ЛОМОНОСОВА

4го АПРѢЛЯ 1765–1865 г.

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ

въ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

Апрѣля 11-го дня.

116545

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Каткова и К°).

1865.

001(09с)(092/Ломоносов)

По опредѣленію Университетскаго Совѣта

2002

1995

Архангельская
областная библиотека
им. Н. А. Добролюбова

ЛОМОНОСОВЪ

РѢЧЬ

НА ПОМИНОВЕНІЕ М. В. ЛОМОНОСОВА,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ЦЕРКВИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, НАСТОЯТЕЛЕМЪ ОНОЙ, ПРОФЕССОРОМЪ БОГОСЛОВІЯ,

СВЯЩЕННИКОМЪ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ,

11-го сего апрѣля.

Сѣющіи слезами радостію пожнутъ. Ходящіи хождаху и плакахуся, мечтающе сѣмена своя, грядуще же пріидутъ радостію, взимающе рукояти своя.

Пс. 125, ст. 5 и 6.

Нынѣ мы поминаемъ — и прежде всего молитвою — память великаго нашего соотечественника, скончавшагося сто лѣтъ тому назадъ, одного изъ первыхъ двигателей нашего наукообразнаго просвѣщенія и перваго виновника учрежденія сего перваго въ Россіи высшаго училища знаній. Да будетъ память сего мужа съ праведною похвалой, какъ память самаго ранняго, богатаго и неутомимаго сѣятеля сѣмени знанія среди своего народа!

Не легка работа посѣва, — и другіе съ другой каѳедры помянутъ нынѣ же о той борьбѣ, о тѣхъ страданіяхъ, вещественныхъ и духовныхъ, какія испыталъ въ свою многознаменательную жизнь сей необыкновенный дѣлатель на полѣ духовнаго дѣланія. *Ходящіи хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя* — поразительно вѣрно говоритъ боговдохновенный пѣвецъ Израильскій. Иначе и быть не можетъ на сей землѣ, безъ труда произрастающей терніи и волчцы, а хлѣбъ насыщающій дающей лишь за трудъ въ потѣ лица. Таковъ законъ Вышняго, за уклоненіе человѣка отъ закона! — *Грядуще же пріидутъ радостію*, продолжаетъ Псалмопѣвецъ, *вземлюще рукояти своя*. И такова, братія, частію наша доля въ отношеніи ко всѣмъ добрымъ посѣвамъ, сдѣланнымъ до насъ, равно и къ труду нынѣ воспоминаемаго нами великаго трудолюбца: что̀ и служитъ намъ справедливымъ побужденіемъ къ чувствамъ благодарнаго воспоминанія. *Иные трудишася, а мы взошли въ трудъ ихъ*: иные сѣяли, поливая посѣвъ слезами, а мы ходимъ съ ликованіемъ, нося снопы пожинаемаго!.... Такъ: *инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй*!

Но и мы въ свою очередь сѣемъ на великой нивѣ Божіей, сѣемъ для будущаго. Сто̀итъ при семъ помыслить и намъ о томъ: что̀ мы сѣемъ, какіе будутъ всходы, какова со временемъ будетъ жатва отъ нашего посѣва, и чѣмъ помянутъ насъ, хотя и не воспоминая нашихъ именъ, — чѣмъ помянутъ тѣ, кому придется жать нами посѣянное, — помянутъ ли насъ молитвой отъ благодарнаго сердца, — будетъ ли за что̀ благодарить насъ, — сжатые снопы того или другаго нашего сѣянія понесутся

ли всѣ въ житницы, или нные будутъ мета мы въ огонь, да вирахъ обратятся и вѣтромъ развѣются, какъ негодные плевелы? Стоитъ помыслить о семъ каждому духовному сѣятелю!

Братія! трудъ нашего сѣянія также не безъ борьбы, притомъ не безъ многозначительной борьбы. Разумѣемъ борьбу нашего времени, борьбу вѣры съ неверіемъ, которое всячески нытается вселиться на ниву Божію вмѣстѣ съ сѣменами истины. Какъ бодро надлежитъ стоять на стражѣ желающимъ сѣять сѣмя единой истины и приготовить будущему жатву радости!

Подвигъ сей борьбы да не смущаетъ насъ. Скорбенъ подвигъ, но — радостна цѣль его. Что бы ни говорили проповѣдники самодовольнаго себялюбія, — нѣтъ радости полнѣе и выше, какъ радость оставить будущему добрую жатву отъ своего сѣянія.... Эта радость не престанетъ съ послѣднимъ біеніемъ сердца, но, освободившись отъ самой возможности самонарушенія неизбѣжными вліяніями сего преходящаго и измѣняющагося міра, она будетъ непрерывно продолжаться, ни мало не упадая, а еще постепенно возвышаясь, — вѣки вѣчные въ вѣчномъ царствѣ вѣчно-живаго Бога. — Но сему-то Псалмопѣвецъ и сказалъ даже о самихъ сѣющихъ: *сѣющіи слезами* — сѣющіе въ подвигѣ, *радостію пожнутъ* — радостью о совершеніи подвига. Да и на сей землѣ, какъ вы сами дѣломъ доказываете, не гибнутъ залоги радости благихъ дѣлателей. Дѣло сіе есть настоящая наша молитва, а дѣло молитвы есть дѣло братской любви, для вѣры и

надежды которой равно доступенъ и міръ невидимый, какъ видимый, — усопшіе, какъ и живые: а свѣтлѣе такой любви, выражающейся въ святыхъ молитвы, нѣтъ ничего ни на землѣ, ни на небѣ.

Великій для насъ братъ нашъ Михаилъ! Да возрадуется душа твоя въ небѣ въ сей часъ нашей молитвы о тебѣ, молитвы Вѣры, Надежды и Любви.

Покой Господи душу усопшаго раба твоего, Михаила! Аминь.

ОЧЕРКЪ СОСТОЯНІЯ РОССІИ

ВЪ ЭПОХУ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА.

Мм. гг.! Всякій великій дѣятель есть сынъ своего вѣка и своего общества: собравшись почтить память одного изъ великихъ дѣятелей въ исторіи русскаго образованія, собравшись припомнить то, что̀ было имъ сдѣлано на благо Русской земли, мы прежде всего должны припомнить состояніе Русской земли въ эпоху его дѣятельности, и тогда только она станетъ намъ ясна.

Миновала первая четверть XVIII вѣка, ознаменованная для русскихъ людей великимъ и страшнымъ переворотомъ. Преобразователь былъ во гробѣ, и умеръ онъ, не воспользовавшись своимъ правомъ назначить себѣ преемника кого хотѣлъ; некого было ему выбрать подобнаго себѣ. Дѣйствительно, преемники Петра не обладали его желѣзною волей, которая не останавливалась ни передъ чѣмъ, которая все увлекала за собою, и теперь-то слѣдовательно наступило благопріятное время для реакціи, теперь явилась возможность объявить преобразованіе лич-

ным дѣломъ Петра, не народнымъ, раздѣлать его. Но этого объявленія, этой разбѣнки, не послѣдовало. Россія неуклонно продолжала итти по новой дорогѣ, проложенной Петромъ, и тѣмъ засвидѣтельствовала, что дѣло Петра было тѣмъ народнымъ

Время отъ кончины Петра Великаго до царствованія Екатерины II обыкновенно представляютъ временемъ печальнымъ, безурядицы, въ которое на первомъ планѣ были придворныя интриги дворцовой революціи, въ которое не было сдѣлано ничего замѣчательнаго. Но всмотримся внимательнѣе въ явленія, и, быть можетъ, приговоръ измѣнится.

Со второй четверти XVIII вѣка прекращается напряженное состояніе общества, успѣшная его дѣятельность, которыя знаменовали первую четверть вѣка, какъ время революціонное. Внѣшнія войны прекратились. Полтавскій побѣдитель завѣщалъ Россіи миръ, давъ ей силу и величіе, — завѣщалъ не вмѣшиваться въ западно-европейскія распри, какъ чуждыя Россіи по ея прежней замкнутой жизни. Русскимъ людямъ былъ теперь досугъ спокойно и внимательно осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, разобраться въ томъ, что было произведено переворотомъ Разумѣется, главная задача преобразованной Россіи состояла, и даже теперь состоитъ, въ опредѣленіи отношеній своего къ чужому, и прежде всего, по непосредственности столкновенія, въ опредѣленіи отношенія своихъ къ чужимъ Сущность переворота заключалась въ томъ, что Русскіе люди сознали необходимость учиться

у иностранцевъ: толпами отправлялись они для этого за границу; но время не терѣло, и толпы иностранцевъ вызывались въ Россію помогать въ новомъ дѣлѣ, котораго было такъ много. Они являлись необходимо въ качествѣ учителей, съ сознаніемъ своего превосходства: Русскіе должны были учиться у нихъ, работать подъ ихъ руководствомъ, слушаться ихъ: все это вело неизбѣжно къ сознанію своей слабости, своей зависимости. Положеніе крайне опасное, ведшее къ нравственному покоренію, да и не къ одному нравственному, потому что иностранцы надобились и въ правительственномъ дѣлѣ. «Русскіе ничего не смыслятъ въ заграничныхъ дѣлахъ, толковали иностранцы Петру; надобно, для интересовъ Россіи, на всѣхъ дипломатическихъ постахъ замѣнить Русскихъ — невѣждъ — знающими иностранцами.» Петру, по праву генія, легко было избѣжать опасности и опредѣлить, какъ слѣдовало, отношенія между своими и чужими. Многосторонно и ясно смотрѣлъ онъ на свое дѣло, и ничто не могло смутить его, ни роптъ своихъ, ни притязанія чужихъ. Постоянно имѣя въ виду только свое и своихъ. Петръ и на военномъ, и на дипломатическомъ, и на всѣхъ другихъ поприщахъ хотѣлъ, чтобы свои учились и какъ можно скорѣе сравнялись съ искусными иностранцами; его нельзя было смутить указаніемъ, что свои ошибаются, и потому надобно замѣнять ихъ иностранцами: онъ зналъ, что ошибки неизбѣжны въ началѣ, что ошибками человѣкъ учится, и потому не смѣнялъ своихъ, т. е., не бралъ ихъ изъ школы. На бранномъ полѣ и у себя въ токарнѣ Петръ безцеремонно раздѣлывался съ иностранцами, имѣвшими неосторожность столкнуться съ его русскими дар-

витыми вождями, съ его русскими искусными, выученными мастерами. Отъ иностранца-наемника отличался иностранецъ, усыновлявшійся Россіи, безвозвратно отдававшій ей на служеніе свое дарованіе и искуство: такихъ людей высоко цѣнилъ Петръ и называлъ ихъ *своими*, наравнѣ съ Русскими, которые, въ свою очередь, были далеки отъ того, чтобъ отказывать имъ въ братствѣ. Но въ царствованіе Петра ни одинъ изъ этихъ усыновившихся Россіи иностранцевъ не занималъ высшаго правительственнаго мѣста. Петру легко было такъ распорядиться, легко было щадить народное чувство, опять по праву генія: онъ умѣлъ изъ русскихъ людей выбрать достойныхъ стоять на первомъ планѣ, при чемъ всѣ недостатки восполнялъ своими личными великими средствами.

Такимъ образомъ по кончинѣ Петра судьба Россіи была въ рукахъ русскихъ людей: ни одного иностранца не видимъ мы при рѣшеніи вопроса — кому занять мѣсто великаго императора? Но отсутствіе силы, соединявшей всѣ другія силы второстепенныя и направлявшей ихъ къ общей цѣли, не замедлило обнаружиться. Изъ за вопроса о престолонаслѣдіи встала розпь между лучшими русскими людьми, оставленными Петромъ Россіи. Меншиковъ сгубилъ Толстого съ товарищами; подъ Меншикова подкопались другіе и свалили какъ новаго Голіаѳа, по ихъ выраженію. Голицыны и Долгорукіе своею попыткой ограничить императорскую власть въ пользу верховнаго тайнаго совѣта возбудили противъ себя генералитетъ и высшее дворянство, которые, восторжествовавъ, предали верховниковъ. Ряды русскихъ знаменито-

стей разрѣдѣли: между русскими птенцами Петра Великаго оказался сильный недочетъ, и естественно выступили на первый планъ птенцы иностранные — Остерманъ, Минихъ. Но послѣ этихъ знаменитостей иностраннаго происхожденія, усыновившихся Россіи, считавшихъ свою честь и славу неразрывно соединенными съ ея честію и славой, подлѣ Остермана и Миниха стали Биронъ и Левенвольдъ съ товарищи, хотѣвшіе только пожить какъ можно веселѣе, покормиться какъ можно сытнѣе на счетъ Россіи. Наступила бироновщина, осторожная вначалѣ, но потомъ все болѣе и болѣе разнуздывавшаяся. Почему же она могла разнуздываться? Одинъ иностранный министръ при русскомъ дворѣ замѣтилъ другому: «Озлобленіе Русскихъ противъ Нѣмцевъ страшное; надобно опасаться, чтобы Русскіе не сдѣлали съ Нѣмцами того же, что сдѣлали съ Поляками при Лжедимитріѣ.»—«Нечего опасаться, отвѣчалъ другой: у Русскихъ теперь нѣтъ вождей.» Вожди изгибли въ усобицѣ.

Русскіе люди ждали вождей, но господствующая, нѣмецкая партія поспѣшила приготовить имъ торжество тѣмъ же самымъ средствомъ, какимъ прежде Русскіе приготовили господство иностранцевъ, — усобицей. Бирона свергнулъ Минихъ; Миниху давно уже было тѣсно вмѣстѣ съ Остерманомъ; Остерманъ свергнулъ Миниха, но Остермана обезсиливали иностранцы, мелкіе по своимъ способностямъ, сильные по вліянію своему на правительницу Анну Леопольдовну. Время было самое благопріятное для свержения правительства, вдвойнѣ незаконнаго въ глазахъ русскихъ людей. Непосредственное предводительство взя-

ла на себя женщина, но эта женщина была дочь Петра Великаго. Переворотъ совершился; русское дѣло восторжествовало, и, пригрѣтые этимъ торжествомъ, выросли, поднялись отовсюду русскіе люди, наполнившіе знаменитыми дѣлами царствованіе Елисаветы и Екатерины II.

Но эта борьба, столь важная и столь естественная при новыхъ условіяхъ, въ которыя предшествовавшая исторія поставила Россію въ XVIII вѣкъ, эта борьба представляетъ только одну сторону жизни Россіи въ описываемое время. Уже было сказано, что русскимъ людямъ, по смерти Петра Великаго, предстояло осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, разобраться въ томъ, что было произведено переворотомъ. Задача была трудная, какой исторія не представляла еще ни одному народу въ такой многосторонности: воздадимъ же благодарность русскимъ людямъ XVIII вѣка за то, что они не отказались отъ этой задачи, не отчаялись въ своихъ силахъ, не отчаялись въ спасеніи отечества, и, вмѣсто легкомысленнаго взгляда свысока, присмотримся съ должнымъ уваженіемъ къ ихъ дѣятельности. Послѣ переворота, какъ обыкновенно бываетъ, развалины стараго покрывали землю, подлѣ нихъ виднѣлось новое, крѣпкое, хорошо принявшееся, полупринявшееся и вовсе не принявшееся, поблеклое: нужно было разобраться во всемъ этомъ, и русскіе люди начинаютъ разбираться. Будемъ ли мы удивляться тому, что, употребляя естественные и необходимые въ своемъ положеніи пріемы, они подходятъ къ новымъ учрежденіямъ съ разныхъ сторонъ, оглядываютъ, пробуютъ, толкуютъ, спорятъ, крѣпки они, или шатаются,

годятся для Россіи или непригодны ей, измѣняютъ, отмѣняютъ совсѣмъ, потомъ снова возстановляютъ? Наблюдатель поверхностный видитъ здѣсь какую-то сумятоху безурядицу: наблюдатель, внимательный къ законамъ историческихъ явленій спрашиваетъ: какъ же могло быть иначе? Преобразованіе, освободивъ русскаго человѣка изъ той узкой сферы, въ какой онъ до тѣхъ поръ вращался, представивъ ему многообразные и широкіе ряды новыхъ явленій, задало работу его уму на долгое и долгое время. Эта-то работа возбужденной мысли такъ важна и поучительна для насъ, не смотря на всѣ неизбѣжныя уклоненія и неправильности: эта-то постоянная работа мысли надъ важнѣйшими вопросами народной жизни и засвидѣтельствовала живучесть народа, его силу и условила собой поступательное движеніе, вслѣдствіе чего во второй половинѣ вѣка мы видимъ такую разницу съ первою половиной. Новая Россія получила отъ древней печальное наслѣдство — крѣпостное состояніе крестьянъ, явившееся вслѣдствіе экономическихъ условій первобытной, дѣвственной страны, бѣдной промышленною дѣятельностію, вслѣдствіе несоразмѣрности огромнаго земельнаго пространства съ малочисленностію населенія, вслѣдствіе невозможности для мелкихъ землевладѣльцевъ обойтись безъ крѣпостныхъ работниковъ, а эти землевладѣльцы составляли войско, войско въ государствѣ континентальномъ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ врагами, въ которомъ по этому интересъ войска былъ интересомъ господствующимъ. Цѣлію преобразованія было указаніе и приготовленіе средствъ къ улучшенію экономическаго быта Россіи. Но понятно,

что это улучшеніе не могло послѣдовать вдругъ въ такой степени, чтобы повести къ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Новая Россія должна была терпѣть его какъ необходимость; но возбужденная мысль не могла обойти это явленіе. Главный вопросъ, занимавшій русскихъ государственныхъ людей въ началѣ второй четверти XVIII вѣка, былъ вопросъ объ улучшеніи участи крестьянъ, при чемъ, вслѣдствіе возбужденія мысли, явилось сознаніе о тѣсной органической связи между отдѣльными частями народонаселенія: «Понеже армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, того ради о крестьянахъ попеченіе имѣть надлежитъ, ибо солдатъ съ крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата.» Воспользовались мирнымъ временемъ, чтобы сдѣлать всевозможныя облегченія крестьянамъ въ платѣ податей, а главное, приняли мѣры для освобожденія крестьянина отъ притѣсненій солдата. Такъ распоряжались русскіе государственные люди и иностранцы, усыновленные Россіи; разумѣется, иначе должны были распоряжаться иностранцы незваные и непрошеные, и главная тяжесть Бироновской эпохи состояла именно въ измѣненіи прежняго льготнаго отношенія къ крестьянамъ, въ безцеловѣчномъ правежѣ недоимокъ, при чемъ господствовала извѣстная система выписываемыхъ изъ за границы управителей русскими имѣніями: собрать какъ можно болѣе дохода, не обращая никакого вниманія на плательщиковъ.

Вслѣдствіе продолжавшихся неблагопріятныхъ экономическихъ условій въ Россіи XVIII вѣка, вопросъ о крѣ-

постомъ и вольномъ трудѣ не могъ быть рѣшенъ въ пользу послѣдняго; Екатерина Великая принуждена была признать вопросъ неразрѣшимымъ для своего времени и отказаться отъ любимой мысли освобожденія крестьянъ: затрудненія, которыя встрѣчаются теперь во второй половинѣ XIX вѣка въ приложеніи вольнаго труда на мѣсто уничтоженнаго крѣпостнаго, всего лучше уяснятъ намъ дѣло въ XVIII и предшествовавшихъ вѣкахъ. Но не смотря на невозможность рѣшенія вопроса въ XVIII вѣкѣ, исторія не останавливалась. движеніе шло съ другой стороны, со стороны землевладѣльческой, потому что бытъ земледѣльца тѣсно связанъ съ бытомъ землевладѣльца, съ его положеніемъ матеріяльнымъ и нравственнымъ. Прежде служилый человѣкъ жилъ на своемъ помѣстьѣ, на участкѣ земли, которымъ владѣлъ временно, жилъ день за день, не имѣя побужденій къ улучшенію своего хозяйства: есть дѣти, много ихъ—всѣ будутъ испомѣщены. Переводъ помѣстья изъ временнаго владѣнія въ вѣчное, смѣшеніе его съ вотчиной были первымъ шагомъ къ тому, чтобы землевладѣльцы почувствовали себя на своихъ ногахъ, почувствовали себя совершеннолѣтними, освобожденными изъ подъ опеки, съ обязанностію думать о себѣ и о своихъ; обязанность пріобрѣтать извѣстное образованіе также сильно нарушала прежній начальный покой. Съ этихъ поръ значеніе землевладѣльческаго сословія становится подлѣ значенія сословія служилыхъ людей и, мало по малу, пересиливаетъ послѣднее: въ 1736 году служба ограничена двадцатипятилѣтнимъ срокомъ, и отецъ получилъ право оставлять одного сына дома для хозяйства, а черезъ 25 лѣтъ пріобрѣтено было

право служить и не служить Трудно было для земле-владѣльца приступить къ улучшенію своего хозяйства. трудно было для купца. для промышленника усилить свою торговлю и промыслы въ томъ обществѣ. гдѣ съ заня-той суммы нужно было платить 12. 15 и 20 процентовъ. Возбужденная мысль обратилась и на это явленіе. «Этого во всемъ свѣтѣ не водится». заговорили русскіе люди. заговорили они такъ потому. что все болѣе и болѣе знакомились съ тѣмъ. что водится. и что не водится на свѣтѣ. и въ 1754 году явились государственные заемные банки. ссужавшіе деньги подъ залогъ за 6 процентовъ. Возбужденная мысль не могла не остановиться въ то же время на страшномъ препятствіи для торговли. на внутреннихъ таможняхъ. и внутреннія таможни исчезли вмѣстѣ съ 17 мелкими сборами.

Но мы не можемъ ограничиться указанными сторонами историческаго движенія: есть еще сторона. имѣющая для насъ высокій интересъ. Люди Екатерининскаго времени стали неблагосклонно отзываться о времени Петра Великаго. которое въ ихъ глазахъ являлось временемъ грубости. варварства. чрезмѣрной жесткости правовъ. Переводя эти отзывы на историческій языкъ, мы говоримъ. что отъ времени Петра Великаго до Екатерины II происходило извѣстное движеніе. которое вело къ смягченію правовъ И дѣйствительно. мы не можемъ не замѣтить этого движенія. которое иногда обнаруживается въ явленіяхъ. незначительныхъ для неопытнаго глаза. но чрезвычайно важныхъ для историка. Въ одно царствованіе. на примѣръ. учредятъ надзоръ за кулачными боями, чтобъ

бойцы не били противниковъ ножами, камнями, не бросали пескомъ въ глаза: въ другое царствованіе уничтожать варварскій обычай ставить внутри столицы каменные столпы, гдѣ на кольяхъ втыкались тѣла и головы казненныхъ преступниковъ: потомъ остановятъ смертную казнь, а тамъ уничтожатъ тайную канцелярію, и прекратятъ преслѣдованіе раскольниковъ.

Прослѣдивъ это движеніе, эту постоянную работу возбужденной мысли, легко можно объяснить себѣ появленіе человѣка, котораго великую дѣятельность мы собрались теперь помянуть. Россія второй половины XVII вѣка, сознавшая невозможность оставаться въ прежнемъ состояніи, этимъ самымъ сознаніемъ приготовившая почву для преобразовательной дѣятельности, ждала, звала человѣка—и явился Петръ. Россія первой половины XVIII вѣка. Россія съ возбужденною переворотомъ мыслію, съ возбужденною потребностію знанія, ждала, звала человѣка—и явился Ломоносовъ. Не окажемъ же ему плохой услуги, не выдѣлимъ его изъ вѣка, изъ народа. Одиночество безплодно. Великіе люди потому-то и велики, что работаютъ съ цѣлымъ народомъ, съ цѣлымъ вѣкомъ. Народы живые и сильные благоговѣйно относятся къ дѣятельности своихъ великихъ людей: но при этомъ да соблюдаютъ себя отъ грѣха, да не даютъ человѣку значенія вышечеловѣческаго. Человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не сотворитъ ничего изъ ничего; человѣкъ, какъ бы ни были громадны его силы, не совершитъ великаго поприща, если путь его не будетъ уготованъ исторіей. Изъ самой отдаленной мѣстности Россіи, изъ самаго низ-

шаго слоя народонаселенія, явился знаменитый дѣятель науки; трудно было его поприще, постоянная борьба была его удѣломъ; съ изумленіемъ и гордостію, какъ русскіе люди, вспоминаемъ мы о подвигахъ богатаго нравственными силами русскаго человѣка; но не забудемъ, что путь былъ уготованъ, что Россія ждала человѣка: для холмогорскаго крестьянина была открыта школа, холмогорскому крестьянину была возможность ѣхать учиться за границу и стать академикомъ. Что сдѣлала новая, преобразованная Россія для крестьянства? спрашиваютъ наши грозные литературные судіи великихъ людей и великихъ дѣлъ: она сдѣлала то, что крестьянинъ могъ стать академикомъ, отвѣчаетъ исторія.

Мм. гг.! Жизнь каждаго человѣка и цѣлыхъ народовъ слагается изъ будней и праздниковъ. Какъ печальна и безплодна была бы жизнь, если бы состояла изъ однихъ будней, если бы для человѣка и для цѣлыхъ народовъ не было возможности отдохнуть отъ однообразной, будничной работы, подняться въ другія, высшія сферы, освѣжиться въ нихъ, возстановить свои нравственныя силы! Появленіе великихъ людей, ихъ подвиги составляютъ праздники для народовъ: тутъ народы поднимаются, вдохновляются, надолго запасаются средствами для исторической жизни, въ дѣятельности великихъ людей сознаютъ собственную силу и величіе, ликуютъ, празднуютъ при этомъ усиленномъ біеніи своей жизни. Какъ простолюдинъ считаетъ свое время, свой годъ праздниками, такъ и народы считаютъ свое время праздниками же, т. е., появленіями великихъ людей, составляющихъ

эпохи своею дѣятельностію. Чѣмъ больше такихъ праздниковъ, тѣмъ сильнѣе и краше народная жизнь. Воспоминаніе о нихъ составляетъ также праздникъ для народовъ, имѣетъ также вдохновительное свойство. Сами великіе люди, разумѣется, способнѣе другихъ воспринимать это вдохновеніе. Такъ и тотъ, въ чью память мы собрались теперь, постоянно вдохновлялся воспоминаніемъ о другомъ близкомъ къ нему великомъ человѣкѣ; вслѣдствіе чего воспоминаніе о Ломоносовѣ неразрывно для насъ съ воспоминаніемъ о Петрѣ. Великіе люди держатся другъ за друга, и этимъ держатъ родную землю: крѣпкое державство!

Да не потеряетъ и для насъ Ломоносовское торжество своей вдохновительной силы. Воспоминаніе о великомъ трудолюбцѣ Русской земли да будетъ всегда присуще нашимъ трудамъ. Есть необдуманныя фразы, которыя, однако, повторяются: воспоминаніе о Ломоносовѣ должно уничтожить ихъ: кто, вспоминая о немъ, рѣшится произнести: «Нѣмецкое трудолюбіе. Русская лѣнь»? Празднованіе великихъ народныхъ праздниковъ, воспоминаніе о великихъ людяхъ родной земли должны отучить насъ отъ многихъ дурныхъ привычекъ. Народъ, который не умѣетъ чтить великихъ людей своего прошедшаго, недостоинъ имѣть ихъ въ будущемъ. Празднуя память Ломоносова, вспоминая съ благодарностію и о всѣхъ его современникахъ, которые вынесли столько невзгодъ и смутъ, потрудились за Русскую землю и не отчаялись въ ея спасеніи, мы заявляемъ, что не хотимъ мельчать, не хотимъ, чтобы наша жизнь состояла изъ

однихъ будничныхъ дней. Никто и ничто не отниметъ у насъ славнаго, праздничнаго будущаго, если мы сами не отнимемъ его у себя, если, прежде всего, не позабудемъ своего славнаго праздничнаго прошедшаго.

Праздничное прошедшее, праздничное будущее... А настоящее, наше печальное настоящее!.. Черная туча нависла надъ Россіей; русскіе люди поражены, скорбятъ и молятся. Время ли говорить теперь о славномъ прошедшемъ, о будущемъ?... Но и онъ, тотъ, въ чью память мы собрались, также скорбѣлъ, и сильно скорбѣлъ, о невзгодахъ Россіи. Это былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ людей, которые главною обязанностію величія считаютъ— скорбѣть болѣе другихъ народными скорбями. Но этому-то онъ намъ такъ близокъ, такъ дорогъ, такъ памятенъ: по этому-то воспоминаніе о Ломоносовѣ одинаково законно и въ годину славы, и въ годину скорби.

С. Соловьевъ.

ЛОМОНОСОВЪ,

КАКЪ МИНЕРАЛОГЪ И ГЕОЛОГЪ.

До самаго послѣдняго времени мы знали Ломоносова, какъ поэта и оратора, и весьма мало обращали вниманія на его ученыя заслуги по части физики, химіи и прочихъ естественныхъ наукъ. Но заслуги Ломоносова въ этихъ наукахъ такъ велики, что ставятъ его на ряду съ Гумбольдтомъ и другими извѣстными учеными. Вотъ что писалъ объ немъ Эйлеръ, одинъ изъ величайшихъ математиковъ и физиковъ: «Всѣ разсужденія (mémoires) Ломоносова не только хороши, но даже превосходны, потому что онъ такъ излагаетъ самые любопытные предметы физики и химіи, оставшіеся необъяснимыми для величайшихъ геніевъ науки, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ его объясненій. Я не могу не отдать справедливости Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ талантомъ для открытія физическихъ и химическихъ причинъ; желательно было бы, чтобы всѣ прочія академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя

тѣмъ, какія сдѣлалъ Ломоносовъ.» [1] Такимъ же образомъ отнесся о заслугахъ Ломоносова нашъ почтенный академикъ Перевощиковъ: «Разсужденія Ломоносова, говоритъ онъ, свидѣтельствуютъ объ его глубокихъ свѣдѣніяхъ въ наукахъ естественныхъ, и представляютъ открытія, коимъ Европа удивлялась у Франклина и Румфорда, и черезъ полстолѣтіе почти получила въ сочиненіяхъ Араго и Гумбольдта.» Послѣ этого можно ли удивляться, что Ломоносовъ не былъ понятъ своими современниками. Объ немъ можно сказать то же, что Мишеле сказалъ про Вико: «Его открытія не были оцѣнены прошедшимъ вѣкомъ, потому что онѣ относились къ нашему вѣку.»

Я не беру на себя смѣлости разбирать ученыя заслуги Ломоносова по всѣмъ естественнымъ наукамъ: для такого предпріятія надо быть самимъ Ломоносовымъ. Я позволю

---

[1] Mémoires de Monsieur Lomonosoff. «Toutes ces pièces sont non seulement bonnes, mais tres excellentes, car il traite les matières de la phisique et de la chimie les plus interessantes, et qui sont tout-à-fait inconnues et inexplicables aux plus grands genies, avec tant de solidité, que je suis tout-à-fait convaincu de la justice de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à Monsieur Lomonosoff, qu' il possede le plus heureux genie pour decouvrir les phénomenes de la phisique et de la chimie; et il serait à souhaiter, que toutes les autres Academies fussent en etat de produire des decouvertes semblables à celles, que Monsieur Lomonosoff vient de faire.» См. Вольтмана, Портфель служебной дѣятельности Ломоносова, въ Очеркахъ Россіи, изд. В. Пассекомъ. 1840, кн. 2.

себѣ разсмотрѣть его только въ одномъ отношеніи, именно, какъ минералога и геолога.

Математикою и естественными науками Ломоносовъ началъ заниматься не прежде, какъ съ того времени, когда изъ Заиконоспасскаго училища поступилъ въ Петербургскую Академію Наукъ, будучи уже 24 лѣтъ. Подъ руководствомъ тамошнихъ наставниковъ, въ короткое время онъ оказалъ такіе успѣхи, что Академія рѣшила для бо́льшаго усовершенствованія послать его въ Германію. Въ инструкціи было сказано, что Академія, отличая необыкновенныя способности и прилежаніе студента Ломоносова, отправляетъ его, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ математическихъ наукахъ, въ физикѣ, химіи и металлургіи, къ знаменитому въ то время философу и математику Вольфу, на первый разъ въ Марбургъ, мѣстопребываніе помянутаго ученаго, а потомъ и въ другія мѣста Германіи, по указанію Вольфа. Это было въ концѣ 1736 года.

Изъ пятилѣтняго пребыванія въ Германіи Ломоносовъ болѣе половины посвятилъ лекціямъ Марбургскихъ профессоровъ, излагавшихъ ему философію, математику, физику, химію и минералогію. Философія, по тогдашнему состоянію этой науки, казалась Ломоносову менѣе привлекательною, чѣмъ изученіе точныхъ наукъ, и потому бо́льшую часть времени онъ проводилъ въ химической лабораторіи и въ физическомъ кабинетѣ, работая тамъ вмѣстѣ съ своими наставниками, и удивляя ихъ своею необыкновенною смѣтливостію.

По прошествіи трехъ лѣтъ, Петербургская Академія, получивъ отъ Вольфа весьма лестные отзывы объ успѣхахъ Ломоносова во всѣхъ наукахъ, распорядилась послать его во Фрейбергъ, къ Берграту Генкелю, съ тѣмъ, чтобы онъ занялся подъ его руководствомъ практическою металлургіею и горнымъ дѣломъ.

Генкель почитался однимъ изъ знаменитѣйшихъ металлурговъ своего времени. Замѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ особенную страсть къ наукѣ, онъ раскрылъ передъ нимъ все богатство своей опытности, и занималъ его по цѣлымъ днямъ въ своей лабораторіи. Въ остальное время, подъ руководствомъ того же профессора, Ломоносовъ посѣщалъ Фрейбергскіе рудники и горные заводы, всегда славившіеся своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Кромѣ того, онъ самъ, собственными руками, работалъ въ рудникахъ, и чрезъ то имѣлъ возможность весьма близко изучить какъ самыя жилы, заключающія руду, такъ и все то, что необходимо для ихъ разработки.

Въ довершеніе Фрейбергскаго курса, Ломоносовъ, по совѣту Генкеля, употребилъ еще нѣсколько времени на обозрѣніе сосѣднихъ Богемскихъ горъ и тамошнихъ горныхъ заводовъ. Возвратившись оттуда, онъ отправилъ въ Петербургскую Академію подробное донесеніе о своихъ занятіяхъ во Фрейбергѣ, и въ заключеніе просилъ дозволить ему побывать еще на Гарцѣ, для окончательнаго усовершенствованія себя въ горномъ дѣлѣ и въ металлургіи.

Разрѣшеніе ѣхать на Гарцъ пришло Ломоносову въ то время, когда онъ уже возвратился въ Марбургъ. Не получивъ изъ Академіи слѣдующаго ему жалованья, онъ принужденъ былъ отправиться на Гарцъ пѣшкомъ!

Проходя чрезъ Гёттингенъ, Ломоносовъ имѣлъ случай провести нѣсколько часовъ въ самой поучительной для себя бесѣдѣ съ великимъ Галлеромъ.

Изъ Гёттингена онъ прошелъ въ Клаусталь, въ самое средоточіе горныхъ заводовъ на Гарцѣ. Не имѣя никакихъ рекомендательныхъ писемъ, Ломоносовъ прямо обратился къ тамошнему металлургу, Берграту Крамеру, и не обманулся въ своихъ надеждахъ. Клаустальскій ученый принялъ его весьма доброжелательно и радушно. На Гарцѣ Ломоносовъ исключительно занимался практикою. Между прочимъ онъ воспользовался сочиненіемъ Крамера, въ это время готовившимся къ печати, объ искусствѣ раздѣленія металловъ, и, подъ руководствомъ самого автора, повторилъ практически эту важную часть металлургіи. Дальнѣйшими средствами къ усовершенствованію служили ему поѣздки въ разныя горныя заведенія, которыхъ такъ много на Гарцѣ. Крамеръ самъ объѣзжалъ ихъ въ это время, и Ломоносовъ сопутствовалъ ему.

Занятія на Гарцѣ были для Ломоносова уже послѣдними учеными занятіями въ Германіи. Вскорѣ послѣ этого, какъ извѣстно, онъ долженъ былъ оставить Германію и тайно уйти въ Россію.

Ломоносовъ возвратился въ свое отечество уже не прежнимъ студентомъ, а великимъ ученымъ, въ полномъ вооруженіи современной науки, и готовый вести за собою своихъ соотечественниковъ, какъ выразился одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей. Отсюда начинается періодъ изумительной дѣятельности Ломоносова, и ученой, и служебной, и литературной.

Изъ огромнаго списка его произведеній, изъ которыхъ одно капитальнѣе другаго, я остановлюсь, согласно съ своею цѣлью, только на тѣхъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ предмету моихъ занятій. Къ числу такихъ произведеній относятся, во первыхъ, его Металлургія[2] и, во вторыхъ, два отдѣльныя разсужденія, изъ которыхъ одно о слояхъ земныхъ, а другое о рожденіи металловъ отъ трясенія земли.

А. Металлургія Ломоносова.

Подъ названіемъ Металлургіи Ломоносовъ соединилъ многіе предметы. Одни изъ этихъ предметовъ въ настоящее время относятся къ минералогіи и геологіи, а другіе къ горному искуству, со всѣми его подраздѣленіями.

Минералогія составляетъ тутъ вспомогательную часть главнаго предмета, и потому изложена Ломоносовымъ очень кратко. Минералы описываются у него въ такомъ

---

[2] Первыя основанія Металлургіи. 1763.

же порядкѣ, какой въ послѣдствіи былъ принятъ многими, именно: сперва металлы (ковкіе) и полуметаллы (хрупкіе), встрѣчающіеся въ природѣ въ самородномъ состояніи; потомъ жирные или горючіе минералы (сѣра, каменный уголь, горная смола, янтарь); далѣе соли или загустѣлые минеральные соки (квасцы, купоросъ, каменная соль, селитра); потомъ земли и камни, найчаще встрѣчающіеся (горный хрусталь, кремень, слюда, шиферъ, гнейсъ, мѣлъ, глина и д.); наконецъ руды то есть, металлы и полуметаллы въ химическомъ соединеніи съ другими веществами. Изъ всѣхъ исчисленныхъ миналовъ съ бо́льшею подробностію описаны у Ломоносова руды, какъ такія вещества, которыя по преимуществу относятся къ металлургіи, и найчаще составляютъ предметъ горныхъ работъ.

Вторую часть Металлургіи Ломоносова можно назвать вспомогательною геологическою. Тутъ разсматриваются различные способы залеганія рудъ внутри земли, и въ особенности жилы, называющіяся обыкновено рудными или рудоносными жилами. Этотъ предметъ описанъ Ломоносовымъ съ такою подробностію и такъ вѣрно, что даже въ настоящее время можетъ быть помѣщенъ въ любое сочиненіе по горной части.

Остальныя части Металлургіи посвящены главному предмету этой науки, именно: изложенію общихъ правилъ, какія необходимы для выгоднѣйшаго извлеченія рудъ и другихъ полезныхъ миналовъ изъ нѣдръ земли, и приведенія ихъ въ такое состояніе, въ которомъ они

могутъ быть способны къ химической обработкѣ. или къ непосредственному употребленію.

Достиженіе этой цѣли въ настоящее время называется общимъ именемъ, Горное искуство, но въ частности она составляетъ предметъ многихъ наукъ. Таковы: 1. Металлургія, часть прикладной химіи. показывающая способы выгодивѣйшаго извлеченія металловъ изъ рудъ: 2. Галлургія, показывающая способы получать нѣкоторыя соли въ большомъ видѣ; 3. Пробирное искуство. служащее для учета металлургическихъ операцій, помощію извлеченія маталловъ изъ рудъ въ маломъ видѣ: 4. Маркшейдерское искуство, приложеніе геометріи къ горному дѣлу. именно къ опредѣленію относительнаго положенія различныхъ частей рудника. какъ между собою. такъ и въ пространствѣ: 5. Наконецъ Практическая механика, снабжающая заводы и рудники силою необходимою для ихъ дѣйствія.

Вотъ какое разнообразіе предметовъ! Ломоносовъ не излагаетъ этихъ наукъ особо, но всѣ свѣдѣнія, къ нимъ относящіяся, излагаются у него въ своемъ мѣстѣ и составляютъ одно неразрывное цѣлое. Само собою разумѣется, что въ Металлургіи Ломоносова нельзя найти того совершенства, какое сообщили ей означенныя науки въ послѣдствіи. По крайней мѣрѣ онъ шелъ въ уровень съ своимъ временемъ, или въ уровень съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилось тогда горное искуство во всей Германіи, и особенно въ Саксоніи.

Металлургія Ломоносова имѣла большое значеніе для своего врёмени.

По своему изложенію или по своимъ пріемамъ она необходимо должна была имѣть характеръ Саксонскаго горнаго дѣла, той страны, гдѣ изучалъ эту науку самъ авторъ. А какой характеръ имѣло наше горное дѣло, получившее въ это время уже большое развитіе? Отъ кого мы заимствовали наши рудокопные и заводскіе пріемы? Первыми учителями Русскихъ въ этомъ дѣлѣ по преимуществу были Саксонскіе рудокопы. Безъ сомнѣнія, они руководились у насъ тѣми же способами разработки, какіе употреблялись въ ихъ отечествѣ. Значитъ, Металлургія Ломоносова пришлась, какъ нельзя лучше, къ тѣмъ пріемамъ и способамъ, какіе въ это время вводились, или были уже введены, на Уральскихъ и другихъ рудникахъ и заводахъ.

Кромѣ того, Металлургія Ломоносова, написанная на русскомъ и, по тогдашнему времени, весьма изящномъ языкѣ, необходимо должна была послужить образцомъ для всѣхъ горныхъ людей. И дѣйствительно, горная литература наша, до той поры почти не существовавшая, съ легкой руки Ломоносова въ самое короткое время сдѣлала большіе успѣхи.

Первымъ горнымъ писателемъ на русскомъ языкѣ былъ Генералъ-Лейтенантъ Де-Геннинъ, этотъ незабвенный мужъ въ лѣтописяхъ Русскаго горнаго промысла. Составленное имъ описаніе Сибирскихъ заводовъ, и поднесен-

ное Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, не было напечатано. но списокъ съ его манускрипта хранятся въ Библіотекѣ Горнаго Корпуса. [3] При Петрѣ II поручено было Оберъ-Бергмейстеру Блюеру переводить на русскій языкъ иностранныя горныя книги, но вѣроятно онъ не предпринималъ этого труда, потому что до насъ не дошло ничего изъ его произведеній. Въ царствованіе Анны Іоанновны напечатана въ Россіи первая книга по заводской части, именно о монетномъ дѣлѣ, сочиненная Шлаттеромъ. [4] Царствованіе Елисаветы Петровны представляетъ самую блестящую эпоху для горнаго промысла въ Россіи. Въ

---

[3] Сочиненіе Де-Генниша подъ слѣдующимъ названіемъ: Генералъ-Лейтенантомъ отъ Артиллеріи и Кавалеромъ Ордена Св. Александра, Георгіемъ Вильгельмомъ Де-Геннинomъ собранная, натуралій и минералій камеръ въ Сибирскихъ горныхъ и заводскихъ дистриктахъ, также чрезъ его о вновь строенныхъ и старыхъ исправленныхъ горныхъ и заводскихъ строеніяхъ и прочихъ курьозныхъ вещахъ абрисы.

Рукопись Де-Геннина состоитъ изъ двухъ большихъ фоліантовъ, съ видами заводовъ, разныхъ фабрикъ, минераловъ и т. п. Надо полагать, что Де-Геннинъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ, но неизвѣстно, кто переложилъ трудъ его на русскій. Замѣчательно, однако, что переводчикъ почти вездѣ говоритъ отъ своего лица. Извлеченіе изъ этой рукописи, составленное Берхомъ, напечатано въ Гор. Ж. за 1828 г., кн. 7 — 12.

[4] Описаніе при монетномъ дѣлѣ потребнаго искуства, соч. Монетной Канцеляріи Асессоромъ Іваномъ Шлаттеромъ, въ Москвѣ 1736 году. С.-Петербургъ 1739. Съ 6 таблицами.

Ея же царствованіе напечатаны два сочиненія по горнозаводской части; оба принадлежатъ Шлаттеру: одно изъ этихъ сочиненій касается заводскаго, именно монетнаго дѣла, [5] а другое горнаго, и озаглавлено такъ: Обстоятельное наставленіе рудному дѣлу. [6] Въ одно время съ Шлаттеромъ готовилъ свою Металлургію и Ломоносовъ. Въ царствованіе Екатерины II горная литература, вмѣстѣ съ другими отраслями вѣдѣнія, оказала большіе успѣхи, особенно съ 1774 года, со времени учрежденія Горнаго Училища въ Петербургѣ. Предвѣстникомъ этой новой литературы была Металлургія Ломоносова, напечатанная въ 1763 году. Вслѣдъ за этимъ появилось очень много сочиненій по горной части, сперва переводныхъ, а потомъ и оригинальныхъ. Изъ переводныхъ въ особенности замѣ-

---

[5] Задачи касающіяся до монетнаго искуства, сочиненныя для обученія опредѣленныхъ при монетныхъ дворахъ Коллегіи и Титулярныхъ Юнкеровъ и прочихъ учениковъ, Ст. Совѣт. и Монетной Канцеляріи Главнымъ Судьею Ів. Шлаттеромъ, въ 1754 году. С.-Петерб. съ 5 таблицами.

[6] Полное заглавіе этой книги такое: Обстоятельное наставленіе рудному дѣлу, въ которомъ описаны рудокопныя мѣста, жилы и способы для пріиску оныхъ, учрежденіе новыхъ рудниковъ, машины, разобраніе, толченіе и промываніе рудъ, съ прибавленіемъ о добываніи каменнаго уголья, сочиненное и многими чертежами изъясненное, Дѣйст. Ст. Совѣт. Берг-Коллегіи Президентомъ и Монетной Канцеляріи Главнымъ Судьею, Иваномъ Шлаттеромъ. С.-Петерб. 1760. Снабженное 35 таблиц. и посвященное авторомъ Гр. Петру Ивановичу Шувалову.

чательны сочиненія: Валлеріи, [7] Кронштета, [8] Лемана [9] и Гергарда. [10] Для любопытства замѣтимъ, что въ этихъ переводахъ принималъ большое участіе нашъ извѣстный баснописецъ Хемницеръ, служившій тогда въ Горномъ Училищѣ Оберъ-Бергмейстеромъ. Оригинальныя сочиненія по горной части начали появляться уже въ концѣ царствованія Екатерины: таковы въ особенности сочиненія Шлаттера, [11] Капкрина [12] и двухъ трудолюбивѣйшихъ ученыхъ нашихъ, Германа и Севергина. Сочиненія послѣднихъ такъ общеизвѣстны горнымъ людямъ, что не требуютъ перечисленія.

Я опять обращаюсь къ Ломоносову.

---

[7] І. Готш. Валлерія. Минералогія или описаніе всякаго рода рудъ и ископаемыхъ изъ земли вещей. Съ Нѣм. перев. Ив. Шлаттеръ. С.-Петербургъ 1763.

[8] Д. Меньшенинъ, въ Г. Ж. 1829, кн. 2, стр. 202.

[9] І. Готл. Лемана, Минералогія, перев. Анд. Нартовымъ, С.-Петер. 1772. Того же Лемана, Пробирное искусство, перев. Гиттенфервальтеромъ Алексѣемъ Гладкимъ. С.-Петер. 1772.

[10] К. А. Гергарда, Опытъ повѣсти о царствѣ ископаемыхъ. Перев. Е. Б. Д. М. С.-Петер. 1790. Съ 10 чертежами.

[11] Обстоятельное описаніе рудная плавленнаго дѣла, какъ всѣ металлы въ большомъ числѣ изъ своихъ рудъ и матокъ по всѣмъ въ свѣтѣ до нынѣ извѣстнымъ способамъ выплавливать, соч. Тайн. Сов. Ив. Шлаттеромъ. С.-Петер. 1784. Въ пяти томахъ, въ листъ.

[12] Первыя основанія искуствъ горныхъ и соляныхъ производствъ. С.-Петер. 1785—1791.

Польза и слава отечества были постоянными мыслями Ломоносова. Движимый ими, онъ во все вникалъ, и дѣлалъ все, что могъ. Въ доказательство этого приведемъ два случая, также касающіеся горнаго промысла въ Россіи.

Во время Ломоносова наше горное производство почти единственно ограничивалось горами, Уральскими, Олонецкими, Алтайскими, и Нерчинскими. Но Ломоносовъ былъ увѣренъ, что и плоскія губерніи Россіи также должны изобиловать полезными минералами. Онъ донесплъ объ этомъ Сенату, и указывалъ на самыя легкія и дешевыя средства, съ помощію коихъ можно было бы достигнуть желаемой цѣли. «Я сыскалъ, пишетъ онъ, легкій и краткій способъ, чрезъ который, въ одинъ годъ, изъ всей Европейской части Россійскаго Государства, а въ два и изъ всей Сибири, собрать можно большую часть минераловъ, ежели не всѣ. Къ сему имѣемъ въ отечествѣ сильныхъ и многочисленныхъ рудокопателей и многія тысячи рудоискателей; каждый сильнѣе тысячи Саксонцевъ.» [13] Подъ сильными рудокопами Ломоносовъ разумѣлъ многочисленныя Россійскія рѣки, а рудоискателями онъ называлъ крестьянскихъ дѣтей. Рѣки, перерѣзывая Россію въ разныхъ направленіяхъ, не только обнаруживаютъ земныя нѣдра въ берегахъ своихъ, нерѣдко весьма высокихъ, но и всякую весну, во время водополи, подмывая свои берега, производятъ страшныя обрушенія, и чрезъ то еще болѣе знакомятъ насъ съ внутренностію земли. Тѣ же рѣки,

---

[13] Въ правительствующій Сенатъ нижайшее донесеніе отъ Кол. Сов. и Проф. М. Ломоносова.

размывая оторванныя ими части и разнося вдоль береговъ, обнаруживаютъ все, что въ нихъ находится. «Сего дѣйствія, говоритъ Ломоносовъ, весь народъ Россійскій руками произвести не можетъ, хотя бы, кромѣ того, ни въ чемъ иномъ не упражнялся.» Онъ предлагалъ Сенату, чтобы по всей имперіи велѣно было собирать пески, камни и глины разнаго рода по прилагаемой имъ инструкціи, и въ извѣстномъ количествѣ присылать ихъ въ Петербургъ. Самое собираніе песковъ, камней и глинъ онъ совѣтовалъ возложить на крестьянскихъ дѣтей, которыя и безъ того весеннею и лѣтнею порой собираютъ ихъ въ большомъ количествѣ для забавы. Эту забаву, по мысли Ломоносова, можно было бы обратить въ великую государственную пользу. Собранныя вещи Ломоносовъ бралъ на себя разсматривать, промывать, и по нимъ судить, гдѣ у насъ есть какіе-либо минералы. Онъ даже обязывался обучить минералогіи и пробирному искуству въ одинъ годъ понятныхъ молодыхъ людей, сколько угодно будетъ Сенату поручить ему.

Съ такимъ же безкорыстнымъ предложеніемъ Ломоносовъ входилъ въ Коммиссаріатъ, завѣдывавшій соляным производствомъ въ мѣстахъ, лежащихъ между Днѣпромъ и Дономъ, особенно же казенными Бахмутскими и Торецкими заводами.[14] Тамошнія соловарни не доставляли того количества соли, какое требовалось для южныхъ губерній, и Россія должна была покупать соль изъ Поль-

[14] Нижайшій докладъ Императорскому Соляному Коммиссаріату о соляныхъ дѣлахъ.

ши, Крыма и Кубанской степи. Ломоносовъ объяснилъ Коммиссаріату, отъ чего зависитъ, что изъ Бахмутскихъ и Торецкихъ заводовъ не получается требуемаго количества соли.

Б. Разсужденія Ломоносова о рожденіи металловъ отъ трясенія земли и о слояхъ земныхъ.

До сихъ поръ мы видѣли Ломоносова на почвѣ строгаго опыта и наблюденій. Но можно ли предположить, чтобы такой пытливый умъ, изучая рудоносныя жилы и горы, ихъ заключающія, не задавалъ себѣ вопроса, какъ образовались тѣ и другія? Можно ли предположить, чтобы тотъ, кто такъ хорошо умѣлъ постигать сокровеннѣйшія причины всѣхъ воздушныхъ явленій, не пытался иногда объяснить себѣ, какъ произошла наша земля? Можно ли думать, чтобы Ломоносовъ удовольствовался однимъ опытнымъ изслѣдованіемъ земныхъ нѣдръ, или однимъ явленіемъ, и не старался доискаться причины этого явленія? Напротивъ, онъ самъ говоритъ: «Велико есть дѣло достигать во глубину земную разумомъ, куда рукамъ и оку досягнуть возбраняетъ натура; странствовать размышленіями въ преисподней, проникать разсужденіемъ сквозь тѣсныя разсѣлины, и вѣчною ночью помраченныя вещи и дѣянія выводить на солнечную ясность.» Дѣйствительно, Ломоносовъ часто задумывался надъ вопросами объ образованіи земли, и думы свои передалъ намъ въ двухъ замѣчательныхъ разсужденіяхъ, изъ коихъ одно О рожденіи металловъ отъ трясенія земли (1757 г.),

а другое О слоях земных (1763). Послѣднее написано шестью годами позднѣе перваго, именно въ одно время съ Металлургіею, и составляетъ для нея необходимое прибавленіе. Въ этомъ разсужденіи заключается общій взглядъ Ломоносова на образованіе земли и рудныхъ жилъ. Это, можно сказать, послѣднее слово Ломоносова относительно этого предмета, и потому особенно для насъ любопытно.

Въ разсужденіи о слояхъ земныхъ Ломоносовъ послѣдовалъ самому логическому порядку: онъ начинаетъ съ извѣстнаго или видимаго, именно съ земной поверхности, и постепенно переходитъ къ менѣе и менѣе извѣстному, или къ внутреннему образованію, и наконецъ къ тому, что̀ постигается однимъ умозаключеніемъ.

Земную поверхность, по мысли Ломоносова, составляютъ горы и раздѣляющія ихъ долины. Самыми большими горами онъ называетъ цѣлыя части свѣта: Азію, Африку, Европу и Америку. Вмѣсто обыкновенныхъ долинъ служитъ имъ глубокое и бо́льшею частію недосягаемое морское дно, составляющее продолженіе земной поверхности. Предъ этими горами, говоритъ онъ, и самые высокіе хребты не иное что, какъ бугры или холмы.

Въ каждой части свѣта, руководствуясь направленіемъ рѣкъ и климатическими явленіями, Ломоносовъ опредѣлялъ тѣ мѣста, которыя должны быть высочайшими точками этихъ огромныхъ горъ. Такими точками онъ почиталъ не горные хребты, а обширныя плоскогорья, назы-

ваемыя обыкновенно плато (plateau). Таково, на примѣръ, плоскогорье, занимаемое Тибетомъ и песчаною степью Коби внутри Азіи, или, на примѣръ, долина Квито въ Южной Америкѣ. Не смотря на свое положеніе въ тропической полосѣ, одна изъ этихъ странъ имѣетъ климатъ умѣренный, а другая даже холодный. Это происходитъ отъ того, что та и другая лежатъ такъ высоко надъ уровнемъ моря, что, по выраженію Ломоносова, находятся вблизи самаго морознаго слоя атмосферы.

Описавъ главныя горы или континенты, Ломоносовъ вкратцѣ говоритъ о горныхъ хребтахъ, пересѣкающихъ континенты въ разныхъ направленіяхъ, и простирающихся иногда въ самое море, также объ островахъ и лудахъ[13], ими образуемыхъ.

Отъ наружнаго вида земной поверхности, или отъ ея рельефа, Ломоносовъ переходитъ уже къ внутреннему образованію земли. Сначала онъ описываетъ самые верхніе слои, каковы: черноземъ, песокъ, глина и твердыя породы, которыя прямо выходятъ наружу и своимъ разрушеніемъ подаютъ поводъ къ образованію другихъ, именно глинъ и песковъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе болѣе внутреннихъ слоевъ земли, которые, по своему глубокому положенію, могутъ быть открыты только искусствомъ или руками человѣка. Тутъ изложены наблюденія, касающіяся горной соли, каменнаго угля, торфа,

---

[13] Луда значитъ голый камень въ морѣ, опасный для судоходства.

известковаго и плитнаго камня, мрамора, алебастра, рудныхъ жилъ и т. п. Съ наибольшею тщательностію описаны у Ломоносова торфяники, каменноугольная формація и рудныя жилы, предметы, которыми, по видимому, онъ особенно интересовался.

Говоря о торфяникахъ, Ломоносовъ преимущественно разумѣлъ тѣ, которые находятся въ Голландіи. Онъ подробно изчисляетъ слои, изъ которыхъ состоятъ тамошніе торфяники, и которые изъ нихъ почитаются лучшими, какъ горючій матеріялъ. Кромѣ обыкновенныхъ торфяниковъ, Ломоносовъ описываетъ и тѣ болота, на днѣ которыхъ находятся цѣлые лѣса древесныхъ стволовъ, повалепные, или стоячіе, вмѣстѣ съ остатками животныхъ и различныхъ искуственныхъ произведеній, случайно попавшихъ въ эти болота. Торфяные лѣса, по мнѣнію Ломоносова, повалены наводненіями и вѣтрами, и потомъ занесены пескомъ и иломъ. Въ доказательство этого онъ приводитъ весьма любопытное наблюденіе, которое было сдѣлано надъ торфяниками, покрывающими низменную прибалтійскую равнину. Тамошніе торфяные лѣса своими вершинами почти всегда обращены къ южной сторонѣ, и тѣмъ самымъ доказываютъ, что онѣ ниспровергнуты сѣверными морскими вѣтрами.

Отъ торфяниковъ Ломоносовъ переходитъ къ каменноугольной формаціи, и описываетъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ Гарцкихъ горахъ, въ Графствѣ Гогенштейнскомъ, при Ильфельдѣ, Нейштадтѣ, Алтдорфѣ и въ другихъ мѣстахъ. Онъ представляетъ цѣлые

разрѣзы этой формаціи, разрѣзы, изъ которыхъ можно видѣть положеніе угля и отношеніе его ко всѣмъ прочимъ породамъ, именно перемежаемость его съ шиферами, песчаниками и известняками, наклоненное положеніе этихъ слоевъ, сдвиги, и пересѣченіе ихъ каменными простѣнками или жилами, наконецъ большее или меньшее достоинство угля и постепенные переходы его въ шиферный сланецъ. Но самое главное, на что необходимо обратить особенное вниманіе въ описаніи каменнаго угля Ломоносовымъ, это объясненіе того, какъ произошелъ каменный уголь. Относительно этого предмета, какъ извѣстно, въ настоящее время существуютъ различныя мнѣнія. Такъ одни думаютъ, что каменный уголь образовался на открытомъ воздухѣ, изъ прежнихъ тропическихъ лѣсовъ, именно изъ папоротниковъ, каламитовъ, лепидодендроновъ, сигилляріи и другихъ растеній, составлявшихъ каменноугольную флору. По мнѣнію другихъ, каменный уголь произошелъ изъ растеній, которыя водяными потоками были увлекаемы въ море и тамъ, пропитанныя водою, опускались на дно и покрывались различными осадками. Эта послѣдняя теорія, то есть, образованіе угля изъ приплывшихъ растеній или ловучаго лѣса, казалась весьма вѣроятною, и потому имѣла много поборниковъ на своей сторонѣ. Но въ послѣднее время и эта теорія, вслѣдствіе новыхъ наблюденій, въ большей части случаевъ оказалась недостаточною. Нашлись обстоятельства, изъ которыхъ необходимо заключить, что каменный уголь долженъ былъ образоваться изъ растеній, не приплывшихъ откуда либо, а произраставшихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ те-

перь находятся. Это слѣдуетъ изъ того, что посреди каменноугольныхъ слоевъ не рѣдко встрѣчаются цѣлые древесные стволы въ стоячемъ положеніи, или на своемъ корнѣ. Основываясь на этомъ, полагаютъ, что каменный уголь въ большей части случаевъ долженъ былъ происходить по образцу нынѣшняго ископаемаго угля, то есть, по образцу торфа: точнѣе сказать онъ долженъ быть произведеніемъ прежнихъ торфяниковъ. Счастливая мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ обыкновенно приписывалась нашему времени. Но собственно она принадлежитъ Ломоносову. Онъ первый высказался, что каменный уголь образовался изъ торфа. Мысль эта казалась ему столь естественною, что, по видимому, даже не имѣла въ его глазахъ особенной важности. Уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Ломоносова, таже мысль была защищаема Вернеромъ, и еще позднѣе извѣстными французскими геологами Броньяромъ и Эли-де-Бомономъ, пока наконецъ сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Но Ломоносовъ предупредилъ нынѣшнюю теорію образованія угля еще въ другомъ отношеніи: превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при участіи подземнаго огня, слѣдовательно, того же могучаго дѣятеля, который, и по нынѣшней теоріи, почитается самымъ главнымъ въ образованіи каменнаго угля. Замѣчанія Ломоносова относительно излагаемаго предмета вообще принадлежатъ къ числу самыхъ драгоцѣнныхъ. Перечитывая ихъ, съ трудовъ вѣришь, что обо всемъ этомъ говорилось за сто лѣтъ до нашего времени.

Въ дополненіе къ торфу и каменному углю, Ломоносовъ описываетъ и другія горючія вещества, встрѣчающіяся внутри земли, именно: нефть, горную смолу и янтарь. Относительно происхожденія этихъ веществъ, Ломоносовъ также опередилъ свой вѣкъ, и совершенно совпалъ съ нынѣшними понятіями объ этомъ предметѣ. Нефть и горная смола, по мнѣнію Ломоносова, не иное что, какъ продуктъ разложенія каменнаго угля, лежащаго на значительной глубинѣ, и подвергающагося дѣйствію подземнаго жара. Мнѣніе Ломоносова относительно янтаря такъ общеизвѣстно и такъ естественно, что никому не приходитъ на мысль, чтобы можно было думать объ этомъ иначе, нежели какъ думалъ Ломоносовъ. Но въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, на многія вещи смотрѣли совсѣмъ другими глазами. Бо́льшая часть тогдашнихъ ученыхъ принимали янтарь за минералъ, либо приписывали ему другое какое либо происхожденіе, а не растительное. Ломоносовъ, напротивъ, призналъ янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого служили ему остатки растеній и животныя, заключенныя въ янтарѣ. Любопытно припомнить собственныя слова Ломоносова о происхожденія янтаря. Вмѣсто себя, онъ заставляетъ самыя животныя, заключенныя въ янтарѣ, разсказывать, какимъ образомъ они попали въ янтарь, въ эту великолѣпную гробницу. «Пользуясь лѣтнею теплотою и сіяніемъ солнечнымъ, гуляли мы по роскошествующимъ влажностью растеніямъ, искали и собирали все, что служитъ къ нашему пропитанію; услаждались между собою пріятностію благорастворенная времени и, послѣдуя разнымъ благовонным ду-

хамъ, ползали и летали по травамъ, листамъ и деревьямъ, не опасаясь отъ нихъ никакой напасти. Итакъ садилась мы на истекшую изъ деревъ жидкую смолу, которая, насъ привязавъ къ себѣ липкостію, илѣпила и, безпрестанно изливаясь, покрыла и заключила отвсюду. Потомъ отъ землетрясенія опустившееся внизъ лѣсное мѣсто вылившимся моремъ покрылось: деревья опроверглись, иломъ, и пескомъ покрылись, купно со смолою и съ нами, гдѣ долготою времени минеральные соки въ смолу проникли, дали большую твердость, и словомъ въ янтарь претворили, въ которомъ мы получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ. Въ рудныя жилы пришли мы не иначе и не въ другое время, какъ находящеся съ нами окаменѣлое и мозглое дерево.» Простой Русскій народъ, руководствуясь одинмъ здравымъ смысломъ, также принимаетъ янтарь за растительную смолу, и въ нѣкоторыхъ приморскихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается янтарь, называетъ его морскимъ ладономъ.

При описаніи внутреннихъ слоевъ, Ломоносовъ часто упоминаетъ о раковинахъ и другихъ органическихъ остаткахъ, и видимо придаетъ имъ большое значеніе. Обстоятельство весьма замѣчательное, если припомнимъ себѣ, что во времена Ломоносова многіе изъ натуралистовъ сомнѣвались въ существованіи ископаемыхъ, или въ томъ, дѣйствительно ли это остатки прежнихъ животныхъ, или прежнихъ растеній; многіе полагали, что это не иное что, какъ игра натуры (lusus naturae), или слѣдствіе какой-то пластической силы внутри земли (vis plastica).

Что касается до рудныхъ мѣсторожденій, то этотъ предметъ обработанъ Ломоносовымъ со всею возможною подробностію. Очевидно, онъ былъ полнымъ хозяиномъ этого предмета, и говорилъ объ немъ по собственнымъ многолѣтнимъ наблюденіямъ. Рудныя жилы описаны имъ и въ Металлургіи, и въ отдѣльныхъ разсужденіяхъ.

Перехожу къ самой любопытной части разбираемыхъ нами разсужденій, именно къ той, гдѣ говорится о внутренности земли и тѣхъ слояхъ, которые уже не руками человѣка, а самою натурою бываютъ открываемы, какъ выражается Ломоносовъ.

Земныя нѣдра, по словамъ Ломоносова, обнажаются двумя способами: дѣйствіемъ внѣшнихъ разрушительныхъ причинъ и внутреннимъ движеніемъ земли. Подъ внѣшними причинами Ломоносовъ разумѣлъ сильные вѣтры, дожди, рѣки, волны морскія, льды, наводненія и т. д. Внутреннимъ движеніемъ земли онъ называлъ землетрясенія.

Разрушительныя дѣйствія внѣшнихъ причинъ описаны Ломоносовымъ не только вѣрно, но и съ тою увлекательностію, съ тѣмъ одушевленіемъ, съ какими онъ умѣлъ описывать природу. Читая эти краснорѣчивыя страницы, вы чувствуете, что Ломоносовъ былъ не просто ученый, но съ этимъ вмѣстѣ и поэтъ.

Съ такою же увлекательностію изложены имъ слѣдствія землетрясеній. «Все, что стремленіе вѣтровъ, пролитіе дождей, быстрина и надмеиіе рѣкъ, біеніе волнъ

морскихъ и приливовъ, наводненія и потопы, льды и морозы къ обнаженію земныхъ внутренностей ни производятъ, хотя собою велико, однако противъ землетрясенія весьма мало. И ежели главное состояніе земной поверхности и слоевъ разсудить, то всѣ происходящія отъ помянутыхъ натуральныхъ силъ великія въ глазахъ нашихъ перемѣны едва вниманія достойны. Чѣмъ возвышены великіе хребты Кавказскіе, Таврійскіе, Кордельерскіе, Пиринейскіе и другіе, и самыя главныя горы, то есть, части свѣта? Конечно, не вѣтрами, не дождями, кои еще съ нихъ землю смываютъ; конечно, не рѣками, кои изъ нихъ же протекаютъ; конечно, не приливами и не потопами, кои до нихъ не досягаютъ, и натурально досягнуть, и тяжкой каменной матеріи, изъ коихъ вершины оныхъ состоятъ, на такую высоту поднять не могутъ. Чѣмъ вырыты ужасной и недосягаемой глубины пучины морскія? Конечно, не дождями и не бурями, кои въ глубину мало весьма дѣйствуютъ; конечно, не вливающихся рѣкъ быстротою, коя изчезаетъ при самыхъ устьяхъ. Есть въ сердцѣ земномъ иное непзмѣримое могущество, которое по временамъ заставляетъ себя чувствовать на поверхности, и коего слѣды повсюду явствуютъ, гдѣ дно морское на горахъ, на днѣ морскомъ горы видимъ.»

Изъ этого ясно, что подъ внутреннимъ движеніемъ Ломоносовъ не разумѣлъ только, собственно такъ называемыя, землетрясенія, принадлежащія нынѣшнему періоду, но всѣ главнѣйшія измѣненія, какія происходили съ земнымъ шаромъ во все время его существованія.

Приняв за правило идти отъ извѣстнаго къ менѣе извѣстному, или отъ настоящаго къ прошедшему, онъ сначала описываетъ нынѣшнія землетрясенія, и потомъ прилагаетъ ихъ къ прежнимъ переворотамъ земнаго шара. Изъ землетрясеній нынѣшняго или историческаго періода съ наибольшею подробностію описано имъ то, которое происходило въ Сѣверной Америкѣ, въ Квебекѣ и въ его окрестностяхъ. Впрочемъ, изъ самаго сочиненія видно, что онъ былъ вполнѣ знакомъ какъ съ свидѣтельствами древнихъ о вулканическихъ потрясеніяхъ, такъ и съ свидѣтельствами позднѣйшихъ писателей.

Для болѣе яснаго пониманія земныхъ переворотовъ, по мнѣнію Ломоносова, необходимо призвать въ помощь высокія науки, особенно механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, металлургическую химію и геометрію въ общемъ смыслѣ, геометрію, эту правительницу всѣхъ мысленныхъ изысканій.

Изученіе того, что происходило нѣкогда съ земнымъ шаромъ, Ломоносовъ почитаетъ весьма важнымъ, какъ для удовлетворенія нашей мыслящей способности, нашего природнаго любопытства, такъ и потому, что такое изученіе можетъ доставить значительныя матеріяльныя выгоды горному дѣлу. Правда, говоритъ онъ, многія изъ предлагаемыхъ мною тутъ разсужденій могутъ показаться слишкомъ далекими отъ матеріяльной цѣли; но крайней мѣрѣ эти разсужденія, продолжаетъ онъ, на столько полезны для горныхъ людей, на сколько полезны и пріятны «въ пустомъ и незнаемомъ мѣстѣ блудящему человѣче-

скіе слѣды; какъ удрученному зимнею стужею въ дали восхожденіе дыма; какъ пловущему по невѣдомымъ морямъ летающія на встрѣчу земныя птицы; хотя въ другихъ случаяхъ ни человѣческіе слѣды, ни восхожденіе дыма, ни встрѣчающіяся птицы никакого вниманія недостойны.»

Переходя къ самому предмету, Ломоносовъ прежде всего останавливается на континентахъ и возвышающихся надъ ними горныхъ хребтахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что они возникли изъ-подъ воды. Чѣмъ же онъ доказываетъ это? Доказательства Ломоносова, касающіяся образованія горъ, до того одинаковы съ нынѣшними, что, перечитывая ихъ, невольно забываешься и воображаешь, что читаешь какое либо изъ лучшихъ произведеній нынѣшняго времени.

Поднятіе горъ изъ моря, по мнѣнію Ломоносова, доказывается, во первыхъ, наклоненнымъ положеніемъ пластовъ, ихъ составляющихъ. По извѣстнымъ физическимъ законамъ, осадочныя породы въ прежнихъ моряхъ необходимо должны были располагаться горизонтальными слоями. Если же встрѣчаются въ нихъ какія либо уклоненія отъ этого нормальнаго положенія, то, безъ всякаго сомнѣнія, онѣ произошли отъ позднѣйшихъ переворотовъ. Ломоносовъ прямо приписываетъ это поднятію ихъ со дна моря. Когда горы, понуждаемыя внутреннею силою, поднимались со дна моря, говоритъ онъ, то пласты, ихъ составляющіе, необходимо должны были подвергаться большимъ измѣненіямъ, выгучиваться, трескаться, принимать

наклонное положеніе, производить разсѣлины. стремнины и пропасти.

Другое доказательство относительно поднятія горъ, по мнѣнію Ломоносова, представляютъ морскія раковины, заключающіяся въ нихъ въ чрезвычайномъ количествѣ, и не рѣдко находящіяся на самыхъ вершинахъ. Ломоносовъ не только не сомнѣвался въ томъ, что эти раковины принадлежали морскимъ животнымъ, но и съ ѣдкою ироніею говоритъ о тѣхъ ученыхъ, которые въ его время почитали ихъ не животными остатками, а игрою натуры, дозволявшей себѣ отъ избытка силъ творить иногда изъ минераловъ такія формы, которыя походили на растенія, или животныя. «Я спрашиваю ихъ, говоритъ Ломоносовъ, что бы они подумали о такомъ водолазѣ, который бы вынесъ изъ глубины моря монеты, оружіе, либо сосуды, случайно попавшіяся туда во время морскаго сраженія, и сказалъ бы имъ, что все это на днѣ моря производитъ во множествѣ забавляющаяся своимъ избыткомъ натура? Я воображаю, продолжаетъ онъ, что дно Великаго океана выпло наружу, океана, въ которомъ воюющіе древніе народы, и возвращающіеся изъ Восточной Индіи и Америки флоты, погребли, во время своего крушенія, множество искуственныхъ произведеній, и оружія, и сосудовъ, и монетъ разнаго чекана. Что если бы при этомъ кто нибудь сталъ утверждать, что всѣ эти вещи произведены въ морскихъ пучинахъ самою натурою, исправляющею тамъ и кузнечное, и оружейное, и мѣдное и монетное дѣло? Конечно, такой чудакъ подвергся бы всеобщему осмѣянію. Но не такъ ли смѣшны и тѣ фило-

софы, которые, видя на горахъ цѣлыя груды раковинъ, сходныхъ съ нынѣшними морскими, утверждаютъ, что это не морское произведеніе, а легкомысленныя затѣи своевольной натуры?»

Поднятіе материковъ изъ моря, по мнѣнію Ломоносова, всего убѣдительнѣе доказывается обширными песчаными степями. «Таковые пески, говоритъ онъ, не менѣе, какъ и раковинныя животныя на вершинахъ альпійскихъ, увѣряютъ, что они поднялись со дна морскаго.» Обширныя Ливійскія пустыни, согласно съ древними писателями, онъ также почиталъ дномъ моря, поднявшимся нѣкогда отъ землетрясеній. И могъ ли думать объ этомъ иначе тотъ, кто раннюю молодость свою провелъ посреди чудныхъ явленій моря? Прежнія моря, участвовавшія въ образованіи земныхъ слоевъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовали по однимъ законамъ съ нынѣшними, и потому необходимо должны были поражать Ломоносова своею аналогіею. Въ доказательство этого мы приведемъ его собственныя слова. «Проѣзжая неоднократно чрезъ Гессенское Ландграфство, мнѣ случилось, говоритъ онъ, между Касселемъ и Марбургомъ встрѣтить песчаную мѣстность почти ровную, или покрытую только небольшими пригорками, и заключающую въ себѣ чрезвычайное множество мелкихъ морскихъ раковинъ, цѣльныхъ и переломанныхъ. Смотря на эту мѣстность, продолжаетъ онъ, и припомнивая себѣ многія отмѣли при берегахъ Бѣлаго Моря и Сѣвернаго Океана, когда онѣ во время отлива выходятъ наружу, не могъ себѣ представить большаго сходства, какъ эти двѣ части земной поверхности, одну въ

морѣ, а другую на возвышенной материй землѣ. Не доказываетъ ли это, говоритъ Ломоносовъ, что въ сердцѣ земли есть силы, отъ которыхъ зависитъ повышеніе и пониженіе ея поверхности? Не доказываетъ ли это, что равнина, по которой нынѣ люди ѣздятъ, вращаются, ставятъ деревни и города, въ древнія времена была дномъ моря, хотя теперь отстоитъ отъ него около трехъ сотъ верстъ, и отдѣляется отъ него Гарцкими и другими горами?»

Земные перевороты, по мнѣнію Ломоносова, происходили въ разныя времена, въ несчетное множество разъ, и нынѣ происходятъ, и едва ли когда перестанутъ. Это многократное повтореніе переворотовъ онъ доказываетъ преимущественно необыкновеннымъ разнообразіемъ горъ. Не только горы, говоритъ онъ, образовались не въ одно время, но и рудныя жилы, въ нихъ заключающіяся, также должны имѣть разновременное происхожденіе. По мнѣнію Ломоносова, всего болѣе доказывается это пересѣченіемъ жилъ, и ихъ относами или сдвигами. При пересѣченіи одной жилы другою, большею частію бываютъ, такъ называемые, относы, то есть, одна часть пересѣченной жилы бываетъ сдвинута и отнесена по направленію пересѣкающей жилы, и въ слѣдствіе этого не соотвѣтствуетъ другой части. Разновременное образованіе такихъ жилъ Ломоносовъ весьма справедливо доказываетъ еще тѣмъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ совершенно различныя руды. Если бы эти жильныя трещины, говоритъ онъ, образовались въ одно время, то необходимо должны были бы наполниться одинаковыми мине-

рядами. Относительно рудныхъ жилъ у Ломоносова есть одно весьма любопытное замѣчаніе, которое онъ приводитъ также, какъ доказательство разновременнаго ихъ происхожденія. Ломоносову было извѣстно, что въ промежуткѣ между жилою и прилегающими къ ней съ обѣихъ сторонъ горными породами, большею частію находится особенное вещество, непохожее ни на руду, ни на прилегающія породы. Онъ называлъ это ивами, и происхожденіе ихъ объяснилъ такимъ образомъ: ему казалось, что каждая трещина, наполнившаяся какою либо рудою, по прошествіи извѣстнаго времени становится шире, и пустое пространство, образующееся при этомъ между рудою и прилежащими боками, впослѣдствіи наполняется новымъ веществомъ. Но въ настоящее время объ этомъ промежуточномъ веществѣ имѣютъ другое понятіе. Оно происходитъ отъ дѣйствія руды на прилежащую горную породу: это не иное что, какъ та же горная порода, но пропитанная рудами и измѣненная жаромъ, которымъ сопровождалось образованіе рудъ. На горномъ языкѣ эта боковая оторочка называется зальбандомъ (Salhband, lisière).

Доказавъ поднятіе горъ, Ломоносовъ предлагаетъ себѣ весьма естественный вопросъ: какія же это силы внутри земли, которыя въ состояніи были поднимать ея поверхность на такую огромную высоту?

Эта сила, говоритъ онъ, ничему иному приписана быть не можетъ, какъ необычайному жару, находящемуся въ земныхъ нѣдрахъ. Если этотъ жаръ, значительно уже

ослабѣвшій противъ прежняго, сихъ поръ допродолжаетъ двигать цѣлыя государства, то можно представить ссбѣ, сколь могучъ онъ былъ въ своихъ первыхъ силахъ.

Другой вопросъ: какъ глубоко залегаетъ этотъ жаръ внутри земли? Ломоносовъ полагаетъ, что вообще онъ долженъ находиться на чрезвычайной глубинѣ, и объясняетъ это посредствомъ весьма любопытныхъ соображеній.

Глубину земнаго жара Ломоносовъ доказываетъ, во первыхъ, землетрясеніями, которыя въ одно время происходятъ на большомъ пространствѣ, сплошь отъ одного края до другаго, либо въ мѣстахъ, раздѣленныхъ между собою огромнымъ промежуткомъ земли, не обнаруживающимъ ни какихъ потрясеній. Въ обоихъ случаяхъ, по мнѣнію Ломоносова, надо представить себѣ подземную хлябь, простирающуюся отъ одного края потрясаемаго пространства до другого, съ тѣмъ различіемъ, что въ одномъ случаѣ эта хлябь будетъ находиться почти на равной глубинѣ отъ поверхности земли, и будетъ дѣйствовать на нее повсюду одинаково; напротивъ, въ другомъ случаѣ подземная хлябь представится въ видѣ искривленной трубы, средина которой опустилась внизъ, а края поднялись вверхъ: вслѣдствіе такого положенія, она оказываетъ дѣйствіе только на тѣ части земной поверхности, которыя соотвѣтствуютъ краямъ искривленной трубы, между тѣмъ какъ опустившаяся средина, по толщинѣ залегающихъ надъ нею пластовъ, остается безъ всякаго вліянія. Изъ этого видно, говоритъ Ломоносовъ, какая должна быть ужасная глубина этихъ подземныхъ

хлябе, и какъ толсты своды, ихъ покрывающіе. Если представимъ себѣ потрясаемое пространство въ три тысячи верстъ, то въ такомъ случаѣ толстота сводовъ, даже взятая только въ сотую долю противъ обширности, будетъ имѣть не менѣе 30 верстъ, что въ четыре раза превосходитъ самыя высокія горы.

Второе доказательство относительно глубины подземнаго жара, по мнѣнію Ломоносова, представляютъ огнедышащія горы, съ давняго времени выбрасывающія изъ себя чрезвычайное количество шлаковъ и пепла. Возьмемъ для примѣра Этну и Везувій, говоритъ онъ, и вообразимъ, какую массу этихъ веществъ выбросили они въ теченіе времени. Если бы все это находилось внутри самыхъ горъ, или въ ближайшихъ съ ними окрестностяхъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, онѣ давно бы превратились въ огромныя пропасти и обрушились. Но безмѣрная глубина внутреннихъ хлябей, и столь же безмѣрная толстота висящихъ надъ ними сводовъ, не дозволяютъ обрушиться этимъ прекраснымъ странамъ. Огнедышащія горы, по выраженію Ломоносова, не иное что, какъ трубы или отдушины, назначенныя для выхода излишняго подземнаго жара.

Наконецъ ту же истину Ломоносовъ доказываетъ сравненіемъ высоты горъ съ ихъ горизонтальнымъ протяженіемъ. Азійскій континентъ, какъ доказано было выше, есть гора. Главнѣйшій хребетъ ея составляютъ Тибетъ и другія сосѣднія страны, подымающіяся на большую высоту надъ морскою поверхностью. Очевидно, всю Азію можно представить себѣ въ видѣ обширнаго свода, спу-

скающагося своими краями въ прилежащія моря. Какой ужасной крѣпости и толстоты должны быть стѣны этого громаднаго свода! Въ противномъ случаѣ они бы обрушились. Если положимъ только сотую часть ихъ поперечника, то онѣ должны имѣть не менѣе 70 верстъ въ толщину, считая большой поперечникъ Азіи въ 7 тысячь верстъ.

Доказавъ существованіе жара внутри земли, Ломоносову оставалось еще рѣшить: отъ чего зависитъ этотъ жаръ, или что̀ питаетъ его въ продолженіе столь долгого времени?

Подземный жаръ, по мнѣнію Ломоносова, долженъ зависѣть преимущественно отъ сѣры, которая лежитъ въ большихъ глубинахъ, и такъ ясно обнаруживаетъ себя при всѣхъ изверженіяхъ. Впрочемъ, говоритъ онъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это могло зависѣть также отъ горючаго шифера, горнаго уголья и дерева, которыхъ такъ много внутри земли; но какъ эти вещества, прибавляетъ онъ, находятся вообще на небольшой глубинѣ, и видимо произошли изъ наземнаго матеріяла, то возгорѣніе ихъ не можетъ быть причиною такихъ большихъ переворотовъ, какіе были производимы возгорѣніемъ сѣры.

Однимъ словомъ, поднятіе и обрушеніе земныхъ пластовъ Ломоносовъ объяснялъ разширительнымъ дѣйствіемъ воздуха и сѣрныхъ паровъ, скоплявшихся въ глубокихъ подземныхъ хлябяхъ, и отъ времени до времени вырывавшихся оттуда наружу. Тѣмъ же причинамъ при-

писывалъ онъ и образованіе трещинъ или жилъ въ поднятыхъ пластахъ и наполненіе ихъ различными рудами.

Вотъ какъ думалъ Ломоносовъ о земныхъ переворотахъ за сто лѣтъ до нынѣшняго состоянія геологіи, въ то время, когда эта наука большею частію состояла изъ одинхъ эмпирическихъ свѣдѣній, либо презъ мѣру смѣлыхъ предположеній. Теорія Ломоносова покажется намъ еще болѣе удивительною, если припомнимъ себѣ, что многія теоріи, явившіяся уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Ломоносова, отстоятъ отъ нынѣшней гораздо далѣе, чѣмъ его теорія, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ весьма могучимъ талантамъ, каковъ, на примѣръ, Вериеръ.

Теоріи Ломоносова, по сравненію съ нынѣшнею, недоставало только одного предположенія, именно предположенія объ огневомъ происхожденіи нашей планеты, о томъ, что земля наша сначала была огненножидкою массой, и только въ теченіе времени остыла на своей поверхности и покрылась твердою короіі; этой теоріи недоставало только предположенія о томъ, что внутри земли, вмѣсто воспламеняющейся сѣры, до сихъ поръ находятся огненножидкія и упругія вещества, которыя непрестанно стремятся наружу, и составляютъ причину поднятія и разрушенія земной коры.

Отъ чего же, однако, Ломоносовъ, такъ вѣрно понимавшій всѣ перемѣны, происходившія съ земнымъ шаромъ, не досказалъ этого послѣдняго слова?

Это зависѣло, во первыхъ, отъ того направленія, какое имѣла тогдашняя геологія, и, во вторыхъ, отъ особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился самъ Ломоносовъ.

Огневое происхожденіе земли было доказываемо нѣкоторыми учеными, жившими еще въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій: таковы въ особенности Декартъ, Лейбницъ и Бюффонъ. Но теоріи, ими предложенныя, были такъ смѣлы и бездоказательны для тогдашняго времени, что не только не имѣли для себя послѣдователей, но породили еще въ естественныхъ наукахъ тотъ упорный скептицизмъ, который продолжался болѣе полустолѣтія. Натуралисты тогдашняго времени, находя теоретическія воззрѣнія на природу совершенно безплодными, обратились къ однимъ наблюденіямъ и не дозволяли себѣ ни какихъ предположеній. Главнымъ двигателемъ этого новаго направленія въ естественныхъ наукахъ былъ великой Линне, родившійся въ одномъ году съ Бюффономъ, и раздѣлявшій съ нимъ одинаковое вниманіе ученаго міра. Линне разсматривалъ естественныя науки съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Бюффонъ; онъ постоянно держался въ области факта и наблюденій. Выражаясь словами одного извѣстнаго писателя, Бюффонъ и Линне дѣйствовали на одномъ и томъ же поприщѣ, но съ двухъ противоположныхъ концовъ, и съ равнымъ достоинствомъ.

Опытное направленіе Линне вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнему состоянію естественныхъ наукъ, и потому бо́льшая часть натуралистовъ послѣдовала его примѣру.

Геологи также примкнули къ этому направленію, и теоритическая или умозрительная геологія превратилась въ такъ называемую описательную или эмпирическую геологію. Достойнѣйшими представителями этой школы были: Соссюръ, Паллассъ и Вернеръ, дѣйствовавшіе почти въ одно время и ознаменовавшіе свое поприще замѣчательными открытіями. Но вообще это направленіе представляло въ наукѣ такую же крайность, какую и умозрительное или теоритическое. Эта крайность особенно обнаружилась въ Германіи, гдѣ и въ прежнее время, начиная съ половины XVI столѣтія, именно со времени Георга Агриколы (1555), геологія была по преимуществу практическая или примѣненная къ горному дѣлу, а въ описываемую нами эпоху она почти совершенно обратилась въ одно горное дѣло.

Вотъ въ эту-то эпоху всеобщаго эмприческаго увлеченія суждено было дѣйствовать нашему геніальному Ломоносову. Что могли сообщить ему Марбургскіе, Фрейбергскіе и Гарцкіе ученые относительно образованія земли? Все вниманіе было поглощено разработкою рудниковъ и металлургическою химіей. Къ сожалѣнію, самому Ломоносову, въ бытность его за границею, не удалось побывать ни въ одной вулканической странѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ такой, гдѣ бы прежніе огневые перевороты оставили послѣ себя болѣе несомнѣнные слѣды, чѣмъ Вестфалія и Саксонія, постоянныя мѣста его наблюденій. Эти страны, окруженныя горами и повсюду перерѣзанныя рудными жилами, безъ всякаго сомнѣнія, подвергались нѣкогда большимъ переворотамъ, но слѣды

этихъ переворотовъ вовсе не такъ рѣзки, чтобы невольно бросались въ глаза. Напротивъ, тамошніе базальты несомнѣнно произшедшіе такимъ же огневымъ путемъ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, по своему пластовому образованію и по своей перемежаемости съ настоящими осадочными слоями, нисколько не походятъ на огневыя или плутоническія породы. Это исключительное обстоятельство было причиною, что Вернеръ приписывалъ базальтамъ водное или осадочное происхожденіе. Къ сожалѣнію, этотъ великій наблюдатель во все продолженіе своей жизни ни разу не выѣзжалъ изъ Саксоніи. И что жь? При всей наблюдательности его, теорія земли, созданная имъ по образцу одной Саксоніи, была въ высшей степени нептуническою, то есть, не допускавшею ни какого участія огня въ образованіи земли. Всѣ вулканическія горы, служившія возраженіемъ противъ этой теоріи, Вернеръ почиталъ случайнымъ обстоятельствомъ, зависящимъ отъ возгоранія каменнаго угля, либо химическаго измѣненія колчедановъ, внутри земли.

Надо же было случиться, что Ломоносовъ во все время пребыванія своего за границею, подобно Вернеру, не видалъ ни какихъ другихъ странъ, кромѣ Вестфаліи и Саксоніи, столь неблагопріятныхъ для наблюденія огневыхъ или плутоническихъ явленій! По возвращеніи въ Россію, онъ еще менѣе имѣлъ возможности наблюдать горную природу, и потому долженъ былъ довольствоваться одними сочиненіями по горной части и геологіи. И какими сочиненіями! Вѣроятно, онъ пользовался преимущественно Нѣмецкими авторами и отчасти Французскими, но Англій-

скіе, Итальянскіе и Шведскіе едва ли были ему знакомы; мы и теперь знаемъ ихъ большею частью только изъ Нѣмецкихъ и Французскихъ переводовъ. Къ тому же, во время Ломоносова ни во Франціи, ни въ Германіи не было ни одного писателя, который бы особенно выдавался изъ-за другихъ, или выходилъ изъ общей посредственности, исключая Бюффона. Произведенія всѣхъ лучшихъ умовъ тогдашняго эмпирическаго направленія сдѣлались извѣстными ученому свѣту уже послѣ смерти Ломоносова. Но и эти лучшіе умы, обогатившіе науку весьма многими наблюденіями, сами не выработали изъ нихъ тѣхъ результатовъ для теоріи земли, какихъ можно было бы ожидать отъ нихъ.

Какъ жаль, что на долю Ломоносова не выпало такой же завидной участи, какъ Палласу! Если бы онъ, какъ этотъ извѣстный путешественникъ, имѣлъ возможность обозрѣть всю восточную Россію, съ ея Уральскими, Алтайскими и Нерчинскими горами, и если бы, подобно ему, видѣлъ Кавказъ и великолѣпныя горы Тавриды, то, быть можетъ, начало нынѣшней теоріи земли было бы положено гораздо прежде, чѣмъ объяснили ее Гумбольдтъ, Бухъ и Эли де Бомонъ.

Г. Щуровскій.

ЛОМОНОСОВЪ, КАКЪ ХИМИКЪ.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ.

Оцѣнка, въ границахъ какой-либо отдѣльной науки, такого человѣка, какъ Ломоносовъ, всегда должна нести на себѣ отпечатокъ неудовлетворительности. Первый наставникъ своихъ соотечественниковъ почти по всѣмъ развѣтвленіямъ человѣческихъ свѣдѣній, полигисторъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова и изъ ряда выходящій геній, не могъ созидать одностороннее. Въ его всеобъемлющемъ знаніи, въ его творческой силѣ сопоставленія различныхъ данныхъ, заключался такой источникъ полнаго міросозерцанія, какой вмѣщается въ умѣ только немногихъ избранниковъ, — и черты, изъ которыхъ слагается великій нравственный образъ нашего знаменитаго мужа науки, — все равно, будемъ ли мы разсматривать его какъ законодателя языка, какъ поэта, историка, или натуралиста, — разсѣяны по сочиненіямъ разнородныхъ заглавій. Достаточная характеристика Ломоносова, какъ представителя у насъ, въ свое время, данной науки, основанная на выборкѣ изъ всѣхъ его литературныхъ произведеній, конечно, не только не могла бы

помѣститься въ предѣлы нашихъ задушевныхъ и по необходимости отрывочныхъ помиповеній, но и предполагаетъ обладаніе всѣми матеріялами, относящимися къ научной дѣятельности Ломоносова. Но нѣкоторымъ наукамъ, — а къ числу ихъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и химія, — полныя свидѣтельства о трудахъ Ломоносова имѣются, вѣроятно, только въ одномъ учрежденіи, — въ Академіи Наукъ, и оттуда Россія можетъ ожидать подробнаго отчета о научномъ поприщѣ, пройденномъ ея первымъ ученымъ. Мы же собрались въ настоящую минуту въ особенности для того, чтобы выразить наше уваженіе къ славному учителю русскаго народа. Говоря о Ломоносовѣ, какъ химикѣ, я не смѣю скрыть, что, въ послѣднее время, при внезапно усилившемся запросѣ на произведенія Ломоносова, я имѣлъ подъ рукою только обыкновенное собраніе его сочиненій и 1-й томъ новыхъ комментаріевъ Петербургской Академіи Наукъ; — источники, можетъ быть, скудные, но тѣмъ не менѣе дающіе понятіе о томъ, какъ относился нашъ великій соотечественникъ къ главнѣйшимъ положеніямъ тогдашней химіи, въ чемъ онъ полагалъ условія ея дальнѣйшаго развитія, и чѣмъ былъ бы онъ въ исторіи этой науки, если бы онъ не былъ избранъ судьбою въ проповѣдники и распространители на русской землѣ почти всѣхъ знаній человѣческихъ, а развилъ бы свои рѣдкія силы и могучія дарованія болѣе исключительно въ области химическихъ изысканій.

Ломоносовъ жилъ въ періодъ такъ называемой флогистической химіи, когда начала химической теоріи почер-

лись преимущественно изъ односторонняго объясненія явленій теплотныхъ; когда состояніе физическаго кале-нія смѣшивалось съ химическимъ процессомъ горѣнія; когда принимали особое горючее вещество; когда подъ выраженіями: элементъ и сложное тѣло, соединеніе и раз-ложеніе разумѣли діаметрально-противоположное тому, что подъ этими терминами разумѣютъ нынѣшніе химики; когда еще не совсѣмъ обветшали алхимистическія пред-ставленія о сѣрѣ, ртути, мышьякѣ, какъ объ общихъ составныхъ частяхъ различныхъ видовъ вещества. Сила-вляя металлическую окись (соединеніе металла съ кисло-родомъ) съ веществомъ органическимъ, съ углемъ, и по-лучая при этомъ металлъ, современный намъ химикъ вы-водитъ свое заключеніе о причинѣ этого явленія при по-мощи вѣсовыхъ опредѣленій, и говоритъ: органическое вещество, уголь соединились съ одною изъ вѣсомыхъ составныхъ частей металлической окиси, съ кислоро-домъ, отняли у окиси этотъ кислородъ, и въ остаткѣ по-лучился металлъ. Въ то время, наоборотъ, разсуждали такъ: органическое вещество, уголь, — тѣла, содержащія начало горючести, способныя горѣть,— сообщаютъ окиси (металлической извести) это начало, эту способность, и такимъ образомъ участвуютъ въ составленіи металла.

Имѣя въ виду эти основанія тогдашней химіи, кото-рымъ, въ то время, болѣе или менѣе подчинялись са-мые передовые двигатели этой науки, мы найдемъ есте-ственнымъ, что и на сочиненіяхъ Ломоносова отразился характеръ того періода химіи. Позвольте мнѣ привести нѣсколько, относящихся сюда, выписокъ изъ этихъ сочи-

ненiй, — не въ укоръ безсмертному гражданину, память котораго благоговѣйно чтитъ Россiя, а для того, чтобы его собственными словами выказать, какъ слабы еще были тѣ пособiя, которыя ему предлагала наука для прiобрѣтенiя того свѣтлаго взгляда на ея истинное значенiе, на ея будущность, которая такъ пророчески высказывается въ его твореniяхъ. Вотъ мѣста изъ его «Слова о рожденiи металловъ отъ трясенiя земли.»

«Извѣстно, что морская и горная соль» — (по теперешнимъ химическимъ познанiямъ, эта соль состоитъ только изъ хлора и металла натрiя) — «состоитъ изъ алкалической и изъ кислаго спирта. Алкалическая соль, составляющая соль морскую и горную, та же есть, кая вываривается изъ пепла разныхъ деревъ, то есть поташъ, и разнится только малымъ примѣшенiемъ мѣловой или известяной материи. Кислый спиртъ смѣшанъ изъ общей кислой съ присовокупленною къ ней меркуriальною или арсеникальною первоначальною материею.

«Коль летучъ кислый спиртъ сѣрный и горючая его материя, то явствуетъ, когда сѣра пламенемъ разрушается. Арсеникъ состоитъ изъ тонкой земли, съ кислымъ соляным спиртомъ смѣшанной, и отъ того учинившiйся летучимъ, что показываетъ сходство его съ сублиматомъ. Реченный кислый соляной спиртъ, соединенный съ горючею материею, коль летучъ и къ возгорѣнiю способенъ, показываетъ изъ нихъ составленный фосфоръ.

«По доказательству изъ многихъ химическихъ опытовъ, металлы суть тѣла смѣшанныя; почему вмѣшанныя ма-

теріи, ихъ составляющія, должны были безсомнѣнно въ натурѣ бытіе имѣть прежде, нежели изъ нихъ смѣшанные металлы.»

Вотъ, перомъ Ломоносова начертанные, образчики положеній, которыя въ то время принимались большинствомъ химиковъ, на основаніи свидѣтельства первенствующихъ авторитетовъ, — подобно тому, какъ и въ настоящее время любой естествоиспытатель усѣваетъ провѣрить только небольшое число научныхъ выводовъ, полагаясь относительно остальныхъ на показанія другихъ изслѣдователей.

Соображая свои требованія съ тою бѣдностію вѣрно истолкованныхъ фактами, которою отличалась тогдашняя химія отъ нынѣшней, но помня, вмѣстѣ съ тѣмъ, что духъ строгой критики уже былъ внесенъ въ эту науку, что она уже окрѣпла на пути развитія въ самостоятельную отрасль естествовѣдѣнія, химическій читатель трактатовъ Ломоносова съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостью руководителя въ области химіи, но и необыкновенно проницательнаго толкователя химическихъ явленій. Чтобы прійти къ такому заключенію, уже достаточно прочитать, на примѣръ, его «Meditationes de caloris et frigoris causa» (размышленія о причинѣ теплоты и холода) и «Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere» (разсужденіе о химически-растворяющихъ жидкостяхъ вообще). Эти трактаты, между прочимъ, доказываютъ, что Ломоносовъ

былъ естествоиспытатель, пользовавшійся для рѣшенія химическихъ вопросовъ всѣми пособіями тонкихъ и точныхъ изслѣдованій: и геометрическою демонстраціею, и опредѣленіемъ объема и вѣса, и микроскопомъ, и воздушнымъ насосомъ. Тутъ же можно убѣдиться въ большой начитанности Ломоносова и въ томъ, что, не смотря на распространенныя тогда понятія о флогистонѣ, объ элементарномъ огнѣ, его свѣтлый умъ вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ. Такъ, на примѣръ, разбирая явленія, замѣчаемыя при сгараніи металловъ (увеличеніе въ вѣсѣ) и при ихъ возстановленіи (уменьшеніе вѣса) подробно и убѣдительно доказываетъ шаткость мнѣнія тѣхъ химиковъ, которые увеличеніе вѣса при сгараніи металловъ объясняли соединеніемъ послѣднихъ съ особеннымъ огненнымъ веществомъ. Вообще, знаменитый русскій ученый принадлежалъ къ числу тѣхъ, относительно немногихъ, химиковъ своего времени, которые, не поддаваясь безусловно вліянію господствовавшихъ тогда умозрѣній и авторитетовъ, прозрѣвали вѣрное истолкованіе процесса горѣнія и, такимъ образомъ, могутъ почитаться предтечами эпохи, съ которой началась антифлогистическая, новѣйшая химія.

Ломоносовъ вполнѣ сознавалъ, въ какомъ зачаточномъ состояніи находилась научная химія въ его время. «Fatendum est, prostare plurima experimenta chymica, de quorum certitudine non dubitamus: inde tamen pauca ratiocinia, in quibus iudicia geometricis demonstrationibus exercitata acquiescere possunt, deducta esse iure querimur»; — вотъ его

собственныя слова, и призваніе его, какъ реформатора въ полной силѣ обнаруживается тамъ. гдѣ, оставляя въ сторонѣ сомнительное и опираясь на достовѣрное, онъ обращается къ общимъ потребностямъ естествоиспытанія. Здѣсь онъ является однимъ изъ тѣхъ, лучезарныхъ геніевъ. которые чувствуютъ за собою право предупреждать исторію, начертывать планъ науки въ будущемъ и быть учителями отдаленнаго потомства.

«Прекрасныя натуры рачительный любитель», — говоритъ Ломоносовъ въ своемъ «Словѣ о пользѣ химіи,»— «желая испытать толь глубоко сокровенное состояніе первоначальныхъ частицъ, тѣлъ составляющихъ, долженъ высматривать всѣ оныхъ свойства и перемѣны, а особливо тѣ, которыя показываетъ ближайшая ея служительница и наперсница, и въ самые внутреннiе чертоги входъ имѣющая, химія: и когда она раздѣленныя и разсѣянныя частицы изъ растворовъ въ твердыя части соединяетъ и показываетъ разныя въ нихъ фигуры, — выспрашивать у осторожной и догадливой геометріи; когда твердыя тѣла на жидкія, жидкія на твердыя перемѣняетъ и разныхъ родовъ матерій раздѣляетъ и соединяетъ, — совѣтовать съ точною и замысловатою механикой; и когда чрезъ слитіе жидкихъ матерій разные цвѣты производитъ, — вывѣдывать чрезъ проницательную оптику. Такимъ образомъ, когда химія пребогатыя госпожи своея потаенныя сокровища разбираетъ, любопытный и неусыпный натуры рачитель оныя чрезъ геометрію вымѣривать. чрезъ механику развѣшивать и чрезъ оптику высматривать станетъ, — то весьма вѣроятно, что онъ желаемыхъ

таинствей достигнетъ. Здѣсь, уповаю, еще вопросить желаете: чего ради по сіе время изслѣдователи естественныхъ вещей въ семъ дѣлѣ столько не успѣли? На сіе отвѣтствую, что къ сему требуется весьма искусный химикъ и глубокій математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, который только изъ одного чтенія книгъ понялъ сію науку, но который собственнымъ искуствомъ въ ней прилежно упражнялся; и не такой, напротивъ того, который хотя великое множество опытовъ дѣлалъ, однако, больше желаніемъ великаго и скоро пріобрѣтаемаго богатства поощряясь, спѣшилъ къ одному только исполненію своего желанія, и ради того послѣдуя своимъ мечтаніямъ, презиралъ случившіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ таинъ. Не такой требуется математикъ, который только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ, но который, въ изобрѣтеніяхъ и въ доказательствахъ привыкнувъ къ математической строгости, въ натурѣ сокровенную правду точнымъ и непоползновеннымъ порядкомъ вывесть умѣетъ. Безполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверзтію оной. Безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, математика очами физическими по справедливости назваться можетъ.»

Слишкомъ сто тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ произнесъ эти вдохновенныя слова, и современная химія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что въ выполненіи программы

выражаемой этими словами, заключается вся ея будущность, и что она еще только приступила къ этому выполненію.

А желалъ ли онъ, чтобы такъ горячо имъ любимыя естественныя науки, въ воздѣлываніи которыхъ онъ видѣлъ одинъ изъ главныхъ источниковъ благоденствія народовъ, были прилагаемы и обращаемы на внутреннюю пользу и внѣшнее величіе Отечества? — Позвольте мнѣ, въ заключеніе моего отрывочнаго очерка, отвѣтить на этотъ вопросъ словами самого Ломоносова, заимствованными также изъ его Рѣчи «о пользѣ химіи.»

«Рачения и трудовъ для сысканія металловъ требуетъ пространная и изобильная Россія. Мнѣ кажется, я слышу, что она къ сынамъ своимъ вѣщаетъ: Простирайте надежду и руки ваши въ мое нѣдро, и не мыслите, что исканіе ваше будетъ тщетно. Воздаютъ нивы мои многократно за труды земледѣльцевъ, и тучныя поля мои размножаютъ стада ваши, и лѣса и воды мои наполнены животными для пищи вашей; сіе не токмо довольствуетъ мои предѣлы, но и во внѣшнія страны избытокъ ихъ проливается. Того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои другими сокровищами поту лица вашего не наградили? Имѣете въ краяхъ моихъ, къ теплой Индіи и къ Ледовитому морю лежащихъ, довольные признаки подземнаго моего богатства. Для сообщенія нужныхъ вещей къ сему дѣлу, открываю вамъ лѣтомъ далеко протекающія рѣки, и гладкіе снѣги зимою подстилаю. Отъ сихъ трудовъ вашихъ ожидаю приращенія купечества и худо-

жествъ; ожидаю вящшаго градовъ украшенія и укрѣпленія и умноженія войска; ожидаю и желаю видѣть пространныя моря мои покрыты многочисленнымъ и страшнымъ непріятелю флотомъ, и славу и силу моея державы распростерть за великую пучину — въ невѣдомые народы.»

Н. Лясковскій.

ЛОМОНОСОВЪ, КАКЪ ГРАММАТИКЪ.

Изъ ученыхъ трудовъ Ломоносова на мою долю предоставлено произнести слово о такомъ его произведеніи, въ которомъ этотъ геніальный дѣятель могъ раскрыться свободнѣе и самостоятельнѣе, нежели въ другихъ областяхъ науки, потому что онъ былъ первымъ мастеромъ того дѣла, о которомъ, по требованіямъ преобразуемой тогда русской литературы, онъ долженъ былъ, изъ матеріаловъ домашнихъ, своеземныхъ, создать науку новую, не бывалую дотолѣ, но всѣми русскими тогда желанную, имѣвшую своею цѣлью не только поучать и руководить на практикѣ, но и воодушевлять національное чувство.

Это произведеніе — Россійская Грамматика.

Соотвѣтственно характеру древне-русской литературы, до временъ Ломоносова знали на Руси только Грамма-

тику Славянскую, т. е., языка церковно-славянскихъ книгъ. Онъ самъ, въ юности своей, — говоря витіеватымъ языкомъ той эпохи,—входилъ во врата учености, руководимый такою же Грамматикою, сочиненною Смотрицкимъ.

Наука эта еще и въ XVIII столѣтіи имѣла на Руси характеръ схоластическій, средневѣковой. Она даже и называлась не наукою, а художествомъ или искусствомъ, согласно средневѣковому ученію о семи свободныхъ художествахъ, и была первою изъ нихъ: «сія бо есть первая — ключъ, отверзаяй умъ — разумѣти Писанія; отъ нея же, яко по степенехъ, всю лѣствицу, по чину ученій, трудолюбивіи достигаютъ — Діалектики, Риторики, Мусики, Ариѳметики, Геометріи и Астрономіи, и сими же седми, яко же нѣкіимъ сосудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ Философіи.» [1] Слѣдуя этому средневѣковому представленію о Грамматикѣ, отверзающей входъ къ прочимъ художествамъ, нѣкто Иванъ Иконникъ, составившій Грамматику при Петрѣ Великомъ, украсилъ свою рукопись миніатюрою, на которой это первое изъ художествъ изобразилъ въ видѣ царственной дѣвы, сидящей на престолѣ, съ ключемъ въ рукѣ, который подаетъ она юношѣ. [2]

Какъ Азбуковники или Словари составлялись въ древней Руси съ цѣлью благочестивою, для истолкованія

---

[1] Предисловіе къ Ἀδελφότης по Львовск. изд. 1591 г.

[2] По рук. Кн. М. А. Оболенскаго

неудобь познаваемымъ въ Св. Писаніи рѣчамъ, такъ и Грамматика должна была служить религіи, предлагая пособіе для исправленія церковныхъ книгъ и для правильнѣйшаго ихъ уразумѣнія: «Грамотное ученіе, — какъ говорили наши предки, — вѣмы, яко дѣло Божіе есть. Кто не брежетъ имъ даже въ механическомъ чтеніи, спѣша и не на мѣстѣ ударяя голосомъ, тотъ творитъ самому Богу досаду, а душѣ своей грѣхъ.[1]

Впрочемъ, не смотря на свою средневѣковую наивную форму и на ограниченное благочестіемъ приложеніе только къ предметамъ вѣры, церковно-славянская Грамматика имѣла свои неоспоримыя достоинства. Во первыхъ, это была наука, основательно обработанная по источникамъ своеземнымъ и по руководствамъ греческимъ, наука, богатая содержаніемъ и приведенная въ строгую научную систему. Во вторыхъ, обучая языку не разговорному, а письменному, искусственному, она способствовала образованію русской литературной рѣчи, въ которой всѣ мѣстные говоры сглаживались подъ общимъ уровнемъ, хотя и условной, грамматической правильности; наконецъ постоянно основываясь на языкѣ греческомъ въ сближеніяхъ славянскаго перевода церковныхъ книгъ съ его оригиналомъ, давала національному грамматическому обученію характеръ классическаго, такъ называемаго гуманнаго образованія.

---

[1] Предисл. къ Псалтыри, изд. въ Москвѣ въ 1663 г.

Ломоносовъ своею Грамматикою положившій конецъ схоластическому обаянію грамматическаго художества, и выведшій это художество изъ заповѣднаго круга религіи въ область самостоятельнаго знанія, независимаго отъ его односторонности въ исключительномъ приложеніи къ церковному дѣлу, все же не остался безъ нѣкотораго благотворнаго вліянія старой церковно-славянской Грамматики, на сколько имѣла она въ себѣ живительныя начала для литературы и для научной системы. Правда, вездѣ въ своей Грамматикѣ является онъ самобытнымъ творцемъ, пролагающемъ на невоздѣланномъ полѣ новые пути, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, виденъ въ немъ и прилежный ученикъ Смотрицкаго. Творецъ не бывалой дотолѣ русской Грамматики не могъ не быть новаторомъ, но, какъ человѣкъ дѣйствительно геніальный, онъ не хотѣлъ разрушать старину, и на ея прочныхъ основахъ вывелъ свое новое зданіе, въ соотвѣтствіе самóй русской литературѣ, возникшей на многовѣковой почвѣ церковно-славянской письменности.

Созидая свою Россійскую Грамматику, Ломоносовъ разумѣлъ подъ русскимъ языкомъ не все разнообразіе мѣстныхъ его говоровъ, а ту искусственную смѣсь рѣчи разговорной съ церковно-славянскою, которой броженіе совершалось въ нашей письменности въ теченіе многихъ столѣтій, и которой элементы такъ ясно обнаружились, когда сначала XVIII вѣка гражданскіе интересы потребовали соотвѣтственнаго себѣ выраженія, отличающагося отъ архаическаго стиля церковныхъ писаній. Какъ искусный зодчій, Ломоносовъ прозрѣвалъ въ этой грудѣ не-

воздѣланныхъ матеріаловъ задатки высокой красоты и величія, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ. въ которыхъ наивность выраженія исчезаетъ передъ искренностью глубокаго самосознанія художника и патріота: «Карлъ Пятый, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Испанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ — съ друзьями, Нѣмецкимъ — съ непріятелями, Итальянскимъ — съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Испанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языковъ.... Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражненіе въ томъ совершенно увѣряетъ.»

Разлагая литературный языкъ на его составныя части, Ломоносовъ всѣ ихъ приводитъ въ двѣ главныя группы: областныя нарѣчія или, какъ онъ выражается, простонарѣчіе — съ одной стороны, и языкъ церковно-славянскій, или, какъ онъ его называетъ, просто славенскій — съ другой.

Творецъ Русской Грамматики, какъ кажется, имѣлъ довольно ясное по тому времени понятіе о областныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка. и даже намѣревался посвятить имъ отдѣльное разсужденіе; въ своей Грамматикѣ ссылается на нарѣчіе малорусское, отличая его отъ вели-

корусскаго (§ 118), и даже приводитъ историческія данныя изъ письменности послѣдняго (§ 119). Что же касается до языка литературнаго, то въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ провинціальныхъ разнорѣчій онъ отдастъ предпочтеніе говору Московскому, забывая такимъ образомъ передъ обще-народнымъ дѣломъ свои личныя, мелкія симпатіи Холмогорскія. «Московское нарѣчіе, — говоритъ онъ, — не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты прочимъ справедливо предпочитается.» (§ 115).

Подъ Славенскимъ языкомъ Ломоносовъ разумѣлъ не древне-Болгарское нарѣчіе съ его первобытною Грамматикою, а тотъ искуственный языкъ, который и доселѣ употребляется въ церковной службѣ. Въ этомъ языкѣ, воспитанномъ высокими идеями религіи, творецъ русской Грамматики видѣлъ источникъ для обогащенія русской рѣчи такими формами, которыя по своей архаической важности противополагаются разговорнымъ формамъ простонарѣчія, о чемъ и составилъ онъ особое краткое разсужденіе; но въ Грамматикѣ надобно было между тѣми и другими формами систематически провести строгія границы, опредѣливши ихъ существомъ самаго языка и литературнымъ употребленіемъ. Такимъ образомъ, уже первая русская Грамматика оказалась Грамматикою сравнительною, по скольку это возможно было въ тѣ времена, когда еще не знали ни санскрита, ни отношенія къ нему языковъ индоевропейскихъ. Но, такъ какъ геніальный тактъ творца русской Грамматики предохранилъ его отъ

безполезныхъ, доходившихъ въ его время до нелѣпости, словопроизводствъ и ни на чемъ не основанныхъ сближеній отдѣльныхъ рѣчей изъ разныхъ языковъ, то его сравнительная система получила характеръ историческій, потому что была основана на историческомъ преданіи церковно-славянской письменности.

Находя неумѣстнымъ входить въ разсмотрѣніе подробностей Россійской Грамматики, однако почитаю необходимымъ сказать, что эти подробности, впервые собранныя изъ устъ народа съ необыкновенною проницательностью, ученою и артистическою тонкостью художника, и впервые искусно приведенныя въ стройную систему, составляютъ самое существенное достоинство этой книги.

Нужно ли, наконецъ, говорить о недостаткахъ этого замѣчательнаго труда нашего перваго ученаго?

Съ точки зрѣнія современной Лингвистики, этой новой науки нашего времени, не удивительно было бы найти слабыя стороны въ книгѣ, составленной еще въ то время, когда не знали ни исторіи языка, ни сравнительной Грамматики. Напротивъ того, гораздо удивительнѣе то, какъ ея геніальный авторъ умѣлъ предупредить грозившую ему въ будущемъ ученую критику, удержавшись отъ теоретическихъ ошибокъ своего времени и ограничившись скромною задачею—точно и мѣтко объяснять для практики только свою родную рѣчь.

И въ этомъ-то именно отношеніи Грамматика Ломоносова не только не утратила свою ученаго значенія, но и до сихъ поръ по частямъ передается въ обученіи новымъ поколѣніямъ по позднѣйшимъ руководствамъ, для которыхъ выдержки изъ этой книги составляютъ лучшее украшеніе.

Ѳ. Буслаевъ.

О
ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА.

Съ именемъ Ломоносова приговоръ нашихъ предковъ, голосъ исторіи, соединилъ названіе «отца» нашей новой литературы,

Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.

Допетровская литература, замкнутая въ сферѣ религіозной и сжатая господствомъ церковнаго авторитета, признавала своимъ языкомъ церковнославянскій, а не русскій. Россіи новой, сбросившей съ себя иго средневѣковаго авторитета и смѣло вступившей въ общеніе съ общечеловѣческими началами европейской образованности, нуженъ былъ иной литературный языкъ, — языкъ, выработанный изъ богатыхъ и обильныхъ стихій роднаго слова. Освобожденіе русскаго народа къ новой, независимой духовной жизни вызывало созданіе русскаго литературнаго языка. Эту великую историческую задачу исполнилъ Ломоносовъ.

Русская литература въ первой четверти XVIII вѣка представляла оригинальную смѣсь средневѣковыхъ на-

чалъ съ новыми. Западнорусскіе и южнорусскіе ученые принесли ко двору московскихъ государей образцы придворной лирики, господствовавшей въ польской литературѣ, которая измельчала въ XVII вѣкѣ подъ перомъ послѣдователей Кохановскаго. Изъ Польши же перешли къ московскому двору средневѣковыя мистеріи и рыцарскіе романы, на европейскомъ западѣ давно уже вымершіе, или спустившіеся въ кругъ простонароднаго чтенія. Время Петра Великаго не внесло много новаго въ русскую литературу; латино-польское направленіе XVII столѣтія продолжалось въ ней. Интересы изящной литературы, интересы поэзіи оттѣснены были въ эпоху Петра Великаго на задній планъ: первое мѣсто отдано литературѣ учебной, педагогической, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Петръ—средоточіе и глава ученой и учебной литературы: всѣ книги, изданныя при немъ, переведены, или сочинены «по царскаго Величества указу.» Въ этой литературѣ господствуетъ полный эклектизмъ: Петръ приказывалъ переводить книги съ Голландскаго, съ Итальянскаго, Нѣмецкаго и Латинскаго. Бироновщина и все тяжелое десятилѣтіе, послѣдовавшее за смертію Екатерины I, такъ мало связанное съ истинными интересами русскаго народа и государства, подавили собою развитіе русской литературы: для придворнаго развлеченія призвана была Итальянская опера, произведенія которой передагались часто въ неуклюжую русскую прозу. Лучшимъ представителемъ этого антилитературнаго и антинаціональнаго времени былъ Тредьяковскій, который боялся даже писать похвальныя оды съ миѳологическими именами, и долженъ былъ доказывать читателю, «что хри-

стіанамъ нѣтъ въ нихъ никакого повода къ соблазну.» и увѣрять, что слово Купидонъ, употребленное имъ въ одной элегіи, «не долженствуетъ къ соблазну дать причины жестокія добродѣтели христіанину: понеже оно тутъ не за погапскаго Венерина выдуманнаго сына пріемлется, но за пристрастіе сердечное, которое въ законной любви и за великую свою горячесть хулимо быть никогда нигдѣ еще не заслужило.»

Разрозненные элементы различныхъ литературъ и различныхъ эпохъ носили на себѣ печать своего неодинаковаго и несроднаго русскому обществу происхожденія. Чуждое стихосложеніе силлабическое, роднившее схоластическія вирши Симеона Полоцкаго и его послѣдователей съ сатирами Кантемира и похвальною одой Тредьяковскаго, дико звучали для русскаго уха. Въ похвальныхъ одахъ Полоцкаго стихъ церковно-славянскій чередовался съ стихомъ польскимъ, и языкъ православнаго богослуженія вступалъ въ насильственный союзъ съ языкомъ католической страны. Въ русской литературѣ перваго сорокалѣтія XVIII вѣка господствовали всевозможные варваризмы, «дикія нелѣпости сло́ва,» по выраженію Ломоносова: русская литература этого времени не говорила еще русскимъ языкомъ. Эта литературная разноголосица наконецъ улеглась: новое направленіе въ русской словесности получило единство, крѣпость и ввело Россію въ ближайшія сознательныя отношенія къ просвѣщенію и жизни Европы, благодаря дѣятельности Ломоносова: онъ далъ нашей литературѣ ту централизацію, которую государство получило отъ Петра Великаго.

Новая русская литература, какъ и новая западно-европейская, началась теоріей, правилами. «Поисже наше стихотворство (говорилъ Ломоносовъ) только лишь начинается, того ради, чтобъ ничего неугоднаго не ввести, а хорошаго не оставить, надобно смотрѣть, кому и въ чемъ лучше послѣдовать.» Основныя черты литературной теоріи Ломоносова не принадлежатъ Россіи: вступая въ періодъ новаго литературнаго развитія, послѣдняя порывала свои связи съ среднимі вѣками тѣмъ же путемъ, какъ и литературы западно-европейскія,—путемъ подражанія классической древности. Въ то время, какъ Ломоносовъ слушалъ у Вольфа математику и физику, въ Германіи безусловно господствовала теорія Готтшеда, противъ которой еще не начинали полемики Швейцарцы—Бодмеръ и Брейтингеръ. Подобно Ломоносову, воспитанный философіею Вольфа съ ея строго-послѣдовательною математическою методой, Готтшедъ рано сродинлся съ стихотворствомъ Канитца и Бессера, которые осуществили въ своихъ произведеніяхъ ложно классическую теорію Буало и одинъ изъ первыхъ заговорилъ въ Германіи о необходимости теоріи поэзіи и краснорѣчія. Чтобы указать способъ «очистить и создать языкъ для прозы и особенно поэзіи,» Готтшедъ издалъ «Подробную Риторику» (Ausführliche Redekunst). Въ ней онъ формулировалъ въ систему главныя положенія ложноклассической пінтики въ томъ видѣ, какъ вырабатывалась она съ эпохи возрожденія. Провозвѣстникъ ложнаго классицизма Дю-Белле, выступивъ на «защиту французскаго языка», доказывалъ, что этотъ языкъ пользуется незаслуженнымъ презрѣніемъ, сравнительно съ языками классическими:

«онъ нуждается только въ обработкѣ и украшеніи»; путь къ тому—подражаніе древнимъ греческимъ и римскимъ образцамъ: «заимствованіе есть источникъ краснорѣчія.» Готтшедъ ставитъ нѣмецкой литературѣ для подражанія тѣ же образцы, прибавляя къ нимъ и произведенія французскаго псевдоклассицизма. Нѣмецкіе поэты, подражавшіе этимъ произведеніямъ, являются идеалами Готтшеда. «Золотаго вѣка нашей поэзіи, — говоритъ онъ — мы должны искать въ тѣхъ временахъ, когда жили и писали Бессеръ, Канитцъ, Нейкирхъ и Гюнтеръ.»

Вотъ въ какую сторону обращалъ силы Ломоносова, воспитаннаго схоластическою риторикою Спасскихъ школъ, глава господствовавшей въ Германіи теоріи искусства. Ломоносовъ принялся за изученіе Гюнтера, и нѣкоторыя строфы и пріемы послѣдняго повторились въ первой торжественной одѣ Ломоносова, написанной за границею. Первая часть Ломоносовской риторики, «показующая общія правила обоего краснорѣчія, то есть, ораторіи и поэзіи,» перенесла теорію Готтшеда на русскую почву; не только существенныя положенія Готтшеда строго удержаны Ломоносовымъ, въ ней переведены буквально цѣлые отрывки изъ теоріи краснорѣчія Готтшеда. «Къ пріобрѣтенію краснорѣчія, говорилъ Ломоносовъ, требуется изученіе правилъ и подражаніе знатныхъ авторовъ.» Этихъ знатныхъ авторовъ давала Ломоносову

Древность, славная пречудными дѣлами.

Онъ въ Петріадѣ «шелъ во слѣдъ Виргилію и Гомеру.» «Правила поэзіи (училъ Готтшедъ) извлекаются изъ раз-

ума и природы. Образцы и правила древнихъ обязательны не потому, что они коренятся въ древности, но потому, что они имѣютъ прочную и необходимую основу въ природѣ вещей.» Ломоносовъ, какъ и Готшедъ, также признаетъ въ древности эту вѣрность истинѣ и природѣ.

Открой мнѣ бытія, о древность, времена;
Ты разностью вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура—мать;
Въ тебѣ я знанія и въ оной тщусь искать.

Но древность представлялась и Готшеду и Ломоносову въ томъ же видѣ, какъ и французскому псевдоклассицизму. Послѣдній былъ идеаломъ Ломоносова, который жалѣлъ, что дѣло Петра Великаго не продолжалось при его преемникахъ до Императрицы Елизаветы: иначе

Давно бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Въ Гомерѣ и Овидіѣ Ломоносовъ видѣлъ «высокопарныя мысли, похвальныя во всѣ вѣка и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя.» [1] Пиндаръ и Малербъ служили литературными образцами торжественной одѣ Ломоносова, условливая собою ея внѣшность, ея форму. «Поэзія, по теоріи Готшеда, должна имѣть цѣлью правоученіе: она обогащаетъ насъ знаніями и нравственными сентенціями.» Объ одной вещи (утверждаетъ Ломоносовъ) можно ни-

.....

[1] Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 222.

сать и прозой и стихами. Ежели кто имѣетъ большее познаніе настоящихъ и предшедшихъ вещей, то есть, чѣмъ искуснѣе въ наукахъ, у того большее есть изобиліе матерій къ краснорѣчію.» Поэзія Ломоносова и въ содержаніи, и въ формѣ носитъ ученый характеръ. Онъ «сходилъ съ Парнасскихъ горъ» и на время «прилагалъ весь свой трудъ» къ стеклу.

Которое о петиѣ увѣритъ насъ,
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ

Результаты своихъ химическихъ и физическихъ опытовъ онъ въ свою очередь возносилъ на Парнасскія горы, воспѣвая свойства стекла или явленія электричества. Парнассъ отождествлялся для Ломоносова съ Университетомъ, поэзія съ наукой.

О коль красно цвѣтетъ Парнассъ въ твоей тѣни,

писалъ онъ И. И. Шувалову.

Для Ломоносова не было болѣе благодарнаго поэтическаго содержанія, чѣмъ эти медленные успѣхи просвѣщенія въ Россіи, къ которымъ онъ такъ страстно и напряженно приглядывался. Его ода всегда настроена на важный, торжественный ладъ:

Мнѣ струны по неволѣ
Звучатъ геройскій шумъ...
Хоть нѣжности сердечной
Въ любви я не лишенъ,
Героевъ славой вѣчной
И больше восхищенъ.

Легкія стихотворенія, идилліи, элегіи и эротическія эклоги Сумарокова, быть можетъ, заслоняли иногда въ современной ему читающей публикѣ важное, ученое стихотворство Ломоносова. Сумароковъ съ своими послѣдователями укорялъ его въ высокопарности; но Ломоносовъ вѣренъ былъ и своей литературной теоріи и своимъ жизненнымъ идеаламъ; наука стояла для него выше беллетристики. Героями, восхищавшими Ломоносова, были не бурные дѣятели войны и разрушенія, но тихіе проводники зиждительныхъ началъ мира и просвѣщенія. Герои войны сами

Не радостію чтутъ кровопролитны бои,
И славныхъ палъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
Покрытый трупами всегда прискорбенъ слѣдъ.

Войну Ломоносовъ признаетъ законною потому только, что она

Науки съ вольностью отъ звѣрства защищаетъ.

«Миръ—питатель наукъ.» Задушевное желаніе ученаго поэта:

Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ,
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.

Картины мирнаго народнаго труда, довольства и просвѣщенія часто проходятъ въ одахъ Ломоносова, окрашенныя теплымъ колоритомъ искренняго чувства. «Кроткій миръ одинъ даетъ богатства свѣту.»

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина!
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!

Герои просвѣщенія и дѣла мира сильны «не случайною удачей,» какъ воины, но «мудростію и образованіемъ»

Хотя счастливыя военныя дѣла—
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.

Мирными героями Ломоносова были Петръ и Елизавета, «давшая счастливый вѣкъ русскимъ музамъ». Одѣтая въ чуждыя и условныя формы ложно-классической лирики, похвала Ломоносова Петру и Елизаветѣ была искренна и неподкупна. По его собственнымъ словамъ, «слогъ его сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.» Съ полнымъ убѣжденіемъ могъ онъ вложить въ уста чуждымъ поэтамъ такія слова:

На что бы вымышлять намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когда бы было намъ возможно
Рожденнымъ въ Росской быть странѣ
Въ сіе благословенно время?

Идеалы жизни и поэзіи Ломоносова сосредоточивались въ Русской землѣ, на Русскомъ народѣ. Отдаваясь подражательному направленію, Ломоносовъ всегда помнилъ Россію, «свою возлюбленную мать.» Онъ указывалъ не-

кусству родное, русское содержаніе. Обращаясь къ живописцу-художнику, онъ говоритъ:

Изобрази Россію мнѣ!
Изобрази ей возрастъ зрѣлой
И видъ въ довольствіи веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу!

Этотъ изящно-величавый образъ Русской земли, которая «съ вознесенною главою» дастъ законы міру, образъ, сдѣлавшійся художественнымъ идеаломъ Ломоносова, осуществится въ тѣ «благословенные дни», когда общечеловѣческое просвѣщеніе проникнетъ въ нѣдра Русскаго народа.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!...
О ваши дни благословенны!

Ода Ломоносова привѣтствовала и выражала собою время, когда новая русская литература вступала въ періодъ свободнаго развитія общечеловѣческихъ началъ просвѣщенія, не стѣсняясь средневѣковыми авторитетами. «Декарту, говоритъ Ломоносовъ, мы особливо за то благодарны, что онъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію.» «Грубая ревность, скрываясь подъ покровомъ святости, не мало погубила

знанія.» Но «образованность и свободный опытъ уже гонятъ

глубокую невѣдѣнія тьму.
Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ
Чего не могъ дойти по опытъ человѣкъ?

Это гордое сознаніе, наполняющее душу новаго Русскаго человѣка, не могло выражаться въ тѣхъ узкихъ и нерусскихъ формахъ, которыми довольствовался въ Россіи XVII вѣкъ. Литературная реформа Ломоносова, въ существѣ своемъ глубоко проникнутая національными началами и вѣрная историческимъ преданіямъ русскаго народа, отбросила узкую для насъ форму силлабическаго стихосложенія и ввела въ литературныя права размѣръ, обусловленный элементами и исторіею русскаго языка и искони господствовавшій въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ. Основными положеніями литературной теоріи Ломоносова были слѣдующія. «Главнѣйшее (говорилъ онъ) мнѣ кажется быть сіе: Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, изъ другихъ языковъ не вносить... Второе. Чѣмъ Россійскій языкъ изобилнѣ и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того не отнимать, но, какъ собственное и природное, употреблять надлежитъ.» Вѣрный «собственному и природному», Ломоносовъ искалъ стихій литературнаго слога въ исторіи и въ жизни русскаго языка, а не въ мертвой полупонятной смѣси церковно-славянскаго съ «дикими нелѣпостями» иностранныхъ словъ. Онъ установилъ твердою рукою отношеніе русскаго языка къ цер-

ковно-славянскому въ литературной сферѣ, глубоко сознавая, что историческая жизнь и религіозныя начала неразрывно связали эти два нарѣчія великой славянской семьи. Полонизмамъ отрѣзанъ былъ доступъ въ русскую литературу, когда Ломоносовъ сказалъ слѣдующія поразительно вѣрныя слова: «Славяне, живущіе за Дунаемъ, хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако, для употребленія славянскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно разумительнымъ, который много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.» Этими словами произнесенъ былъ смертный приговоръ литературному языку и направленію XVII вѣка.

Не отрываясь въ созданіи теоріи литературнаго языка отъ историческихъ преданій православнаго русскаго народа, Ломоносовъ вѣренъ былъ русскому языку своего времени столько же, сколько и его исторіи. Въ русскомъ языкѣ онъ призналъ три главные діалекта—Московскій, Сѣверный и Украинскій. «Московское нарѣчіе (сказалъ Ломоносовъ), не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты, прочимъ справедливо предпочитается.» Нарѣчіе центра народной русской жизни, подкрѣпленное элементами литературнаго языка древней Россіи, стало со временъ Ломоносова литературнымъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ Ломоносовъ, вводя въ Русскую литературу широкія общечеловѣческія начала европейской образованности, оставался вѣренъ историческимъ преданіямъ русскаго языка.

Литературная школа Ломоносова поддерживала главныя его положенія. Средоточіемъ ея была Москва и особенно Московскій Университетъ. «Писатели стиховъ Русскихъ, говорилъ Сумароковъ въ 1758 году, привязаны или къ Академіи или къ Университету». [2] Николай Поповскій, профессоръ Московскаго Университета и ученикъ Ломоносова, написалъ извѣстную похвальную надпись своему учителю:

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію
и т. д.

Сумароковъ вздумалъ опровергать ее и при этомъ, по его словамъ, «не опасался отвѣта и отплаты отъ Поповскаго и отъ всѣхъ въ Московскомъ Университетѣ трудающихся въ словесныхъ наукахъ.» [3] Не одинъ Сумароковъ замѣчалъ литературное родство Ломоносова съ Московскимъ Университетомъ; эту традицію призналъ самъ Ломоносовъ, ввѣрившій Москвѣ и ея Университету свою теорію литературнаго Русскаго языка. Въ томъ самомъ сочиненіи, гдѣ указаны отношенія церковно-славянскаго и русскаго языка въ литературной сферѣ, Ломоносовъ говорилъ: «Словесныя науки въ Россіи не дадутъ никогда прійти въ упадокъ Россійскому слову. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ

---

[2] Я. К. Грота. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову, стр. 41.

[3] Тамъ же, стр. 40.

украшеніемъ и показывать оное всѣмъ городамъ Россіи-скимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ Россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.» Московскій Университетъ связанъ съ Ломоносовымъ не потому только, что Ломоносовъ «подалъ первую причину къ его основанію», Университетъ связанъ съ Ломоносовымъ неразрывными историческими узами литературнаго преемства. Наши надежды тамъ же, гдѣ полагалъ ихъ Ломоносовъ. Онъ призывалъ на поддержаніе русскаго слова и русскаго университета Высочайшее покровительство. Благоговѣйно вспоминая въ настоящій день дѣло Ломоносова, мы призываемъ на помощь свободному и широкому развитію русской литературы и русскихъ университетовъ и тѣ великія народныя силы, которыми создавъ былъ Ломоносовъ.

Н. Тихонравовъ.

ЛОМОНОСОВЪ,

КАКЪ ПРОФЕССОРЪ-АКАДЕМИКЪ.

Говорившіе передо мною о вѣчно памятномъ мужѣ для цѣлой Россіи, въ особенности же для насъ, собравшихся сегодня, по исконному Русскому обычаю, помянуть его молитвой и добрымъ словомъ, какъ человѣка, который «и первую причину подалъ къ основанію Московскаго Университета», кажется, говорили довольно, оцѣнили его, судя по времени, достаточно, такъ что мы еще разъ можемъ воспроизвести въ умѣ своемъ, въ столѣтнюю годовщину его, всѣ важнѣйшія заслуги первоначальника нашей литературы и науки. Мы знаемъ, что онъ былъ Физикомъ, Химикомъ, Минералогомъ, Геологомъ, Металлургомъ, Астрономомъ, Географомъ, Статистикомъ, когда наука эта едва зарождалась, Гигіенистомъ, далѣе: Историкомъ, Грамматикомъ, Поэтомъ, Ораторомъ, Педагогомъ, Профессоромъ-Академикомъ. Сколько разнородныхъ и разнообразныхъ знаній, требующихъ, для отличія въ нихъ, самыхъ рѣшительныхъ дарованій, приковывающихъ навсегда къ себѣ, и только послѣ усиленныхъ и долгихъ

занятіи доставляющихъ вѣрнымъ жрецамъ своимъ въ награду нѣкоторую долю извѣстности! А онъ, сынъ простаго Помора, проведшій лучшіе годы молодости помогая отцу добывать трудовую копѣйку, начавшій учиться, когда большинство покачиваетъ уже, онъ не только догоняетъ обогнавшихъ его, но и идетъ въ головѣ всѣхъ какъ въ школѣ, такъ равно и на поприщѣ дальнѣйшей дѣятельности. И съ какой легкостью движется онъ по всѣмъ этѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, какимъ успѣхомъ сопровождаются всѣ его дѣйствія въ оныхъ! Во всемъ необыкновенная удача: къ чему ни коснется — открытіе, и самое хорошее старое въ рукахъ его становится еще лучшимъ, а нерѣдко принимаетъ совершенно новый видъ и кажется новымъ изобрѣтеніемъ. На всемъ несомнѣнная печать генія.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ починанія Ломоносова обнаруживаютъ огромное, необыкновенно быстрое соображеніе, которое охватываетъ разсматриваемый предметъ со всѣхъ сторонъ, во всей его цѣлости и частностяхъ, въ его отношеніяхъ къ другимъ въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Нигдѣ не шелъ онъ битою дорожкой, но самъ пролагалъ себѣ путь, не зналъ препятствій при рѣшеніи самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ, творилъ мгновенно, какъ только представлялся къ тому случай, не вѣдая напряженія, не испытывая недовѣрія въ свою творческую силу, истекавшую отъ постояннаго вдохновенія. Отъ того, за что ни принимался онъ, все было ему подъ силу, во немъ, всюду являлся онъ мастеромъ, удивлявшимъ посѣдѣвшихъ въ своей области и достигшихъ из-

вѣстнаго совершенства въ ней только долговременнымъ трудомъ, постепеннымъ и кропотливымъ навыкомъ, нерѣдко отнимавшимъ половину цѣлой жизни. Вспоминая совершенное имъ, мы невольно повторяемъ себѣ слова, сказанныя кѣмъ-то о первомъ геніи нашего вѣка: «Да, этотъ человѣкъ все могъ дѣлать, умѣлъ дѣлать и хотѣлъ дѣлать». Его не страшили ни какія печальности, никогда не терялся онъ при видѣ ихъ, сразу обходилъ препоны, всегда избиралъ прямѣйшій и вѣрнѣйшій путь къ цѣли, и по тому сразу и успѣвалъ. Разумѣется, несовершенство — удѣлъ человѣческій; но несовершенства у него — исключенія, какъ и у всякаго генія, въ силу извѣстнаго изреченія Древности: «Quandoque et bonus dormitat Homerus». И геній — сынъ человѣчъ; и на немъ также въ извѣстной степени лежитъ печать несовершенства всего существующаго въ поднебесной; и онъ, дѣйствуя въ данное время и въ данной средѣ, не чуждъ недостатковъ того и другой: «Vitia sæculi atque generis, non hominis».

Но эта-то человѣческая скудель и была желанной опорой для противодѣйствія Ломоносову его недруговъ; однако самый злой и наименѣе добросовѣстный между ними, первовиновникъ всѣхъ неустройствъ въ Академіи и ея плачевнаго состоянія во все время нахожденія въ ней Ломоносова, и тотъ, не смотря на безмѣрную ненависть къ нему, не отрицалъ все таки въ немъ геніяльности. Это засвидѣтельствовалъ онъ въ письмѣ своемъ къ знаменитому Эйлеру (1-го Генваря, 1754 г.). «Сдѣшніе Профессоры и Академики, писалъ онъ, не отрицаютъ, что Надворный Совѣтникъ и Профессоръ Ломоносовъ весьма

замѣчательный геній, и по тому имѣетъ особенное передъ другими преимущество: только они не могутъ терпѣть его кичливости и высокаго о себѣ мнѣнія. Въ особенности не прощаютъ ему того, какъ онъ осмѣливается въ своихъ сочиненіяхъ нападать, въ обществѣ ученыхъ, на столь извѣстныхъ мужей. Словомъ, какъ сдѣшніе, такъ и чужіе, недовольны поведеніемъ Г. сочинителя» (см. «Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1865 г., кн. 2, отд. V, стр. 19).

Точно, весьма не многіе были довольны Ломоносовымъ; но къ чести его надо замѣтить, эти не многіе принадлежали къ числу лучшихъ силъ Академіи. Изъ нихъ геніяльный Эйлеръ при каждомъ случаѣ съ особеннымъ чувствомъ отзывался о Ломоносовѣ, то «удивляясь проницательности и глубинѣ его ума въ изъясненіи крайне трудныхъ химическихъ вопросовъ», говоря, что «въ истолкованіи ихъ онъ далече отъ принятаго у Химиковъ порядка отступилъ и съ обширнымъ искуствомъ въ практикѣ высокое знаніе всюду соединилъ» (Письмо его къ Ломоносову, отъ 23 Марта, 1748 г.); то признаваясь, что его «всегда поражало счастливое его остроуміе, которымъ въ толь разныхъ наукахъ превосходствовалъ, и естественныя явленія съ особливымъ успѣхомъ теоретически изъяснялъ» (Письмо отъ 30 Марта, 1754 г.); то называя нѣкоторыя «произведенія его совершенствомъ» (на прим., Панегирикъ), («Чтенія» 1865 г., кн. 2, V, стр. 70). Не позволивъ увлечь себя въ споръ противъ Ломоносова, Эйлеръ торжественно одобрилъ Разсужденія его, отправленныя къ нему въ Берлинъ его недоброже-

лателями, «конечно, съ тѣмъ, замѣчаетъ Ломоносовъ (въ Краткой Исторіи Академіи Наукъ, § 26: см. «Чтенія» 1865 г., кн. 1, отд. V. стр. 76), чтобы ихъ онъ охулилъ;» но Эйлеръ, возвращая оныя, писалъ: «Сіи Диссертаціи не токмо хороши, но и весьма превосходны: ибо онъ пишетъ о матеріяхъ физическихъ и оптическихъ весьма нужныхъ, которыхъ по нынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, и это онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ въ справедливости его объясненій, а по тому долженъ отдать справедливость Г. Ломоносову въ томъ, что онъ имѣетъ превосходное дарованіе къ изъясненію физическихъ и химическихъ явленій, и желалъ бы, чтобы и другія Академіи въ состояніи были произвесть такія откровенія (открытія), какія показалъ онъ» (Письмо къ Графу К. Г. Разумовскому). Когда, не взирая на то, все таки «Разсужденія мои, говоритъ Ломоносовъ, были самымъ безсовѣстнымъ образомъ разруганы моими недругами въ Лейпцигскихъ Ученыхъ Сочиненіяхъ,» въ защиту ихъ возвысилъ голосъ другой Академикъ Берлинскій, извѣстный Формей, который, напечатавъ одно изъ нихъ въ своемъ журналѣ, и препровождая особый оттискъ его къ сочинителю, писалъ (27 Мая, 1755 г.): «Самый долгъ требовалъ того, чтобы защитить толь праведное дѣло отъ такихъ несправедливыхъ поносителей.»

Отъ чего же происходила такая заклятая вражда къ Ломоносову? Быть не можетъ, чтобы отъ одной только ученой спеси, высокомѣрія, или перебранки съ собратами, обыкновенной въ то время, между учеными цѣлой Европы,

а у насъ и подавно. По тому что противорѣчія его имъ шли совсѣмъ изъ другаго источника, хотя и старались критикѣ его придать побужденія нечестныя, каковы: возстаніе противу властей (см. Рапортъ Миллера Графу Разумовскому, отъ 12-го Генваря, 1755 г., въ «Чтеніяхъ» 1865 г., кн. 1, V, стр. 136), честили его исступленнымъ, съ ножемъ въ рукахъ, замыслившимъ погубить Академію (тамъ же, стр. 141, письмо его къ Теплову, отъ 12-го Марта, 1761 г.). Но лучше послушаемъ, какъ самъ Ломоносовъ объясняетъ это. «Я примѣтилъ (пишетъ онъ разъ къ своему покровителю, Шувалову, что злоба преодолѣваетъ благость, подкрадываясь и подъ святость Высочайшихъ повелѣній; по тому прошу перевести меня въ другой корпусъ, гдѣ не меньше могу принести пользы и чести Отечеству, дабы всѣ сказали: «Камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла, или бы, въ мое отбытіе изъ Академіи, явно оказалось, чего она лишилась, потерявъ такого человѣка, который чрезъ толь много лѣтъ украшалъ оную и всегда съ гонителями наукъ боролся, не смотря на свои опасности» (Письмо 1754 г.). Въ послѣднихъ словахъ—ключъ ко всей дѣятельности Ломоносова и отношеніямъ его къ товарищамъ по Академіи и правленію ея.

«Борьба съ гонителями наукъ» — вотъ, стало быть, что предпочтительно занимало Ломоносова. Онъ испыталъ на себѣ самомъ все превосходство и пользу знанія, и по тому всю жизнь посвятилъ на усвоеніе его, разработку и передачу другимъ, преимущественно же своему, какъ онъ любилъ выражаться, Россійскому роду.

«За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ Отечествѣ, противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю.—Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и Всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ Отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни дороже». Это было также, какъ извѣстно, всего въ жизни дороже и самому высокому основателю Академіи, Петру I-му, собственноручно правившему Уставъ ея, по коему она должна была стремиться къ двумъ цѣлямъ—совершенствованію наукъ и водворенію ихъ въ Россіи. «Съ этою цѣлью опредѣляются, говоритъ второй Уставъ Академіи, данный ей Елисаветой, такіе люди, которые заняты безпрестаннымъ трудомъ, чтобъ дѣлать свои примѣчанія, читать книги и вновь сочинять ихъ, и еще такіе, которые обучаютъ приданныхъ имъ». Намѣреніе было, слѣдовательно, подготовить со временемъ избраннѣйшихъ изъ нихъ къ званію Академиковъ. По тому уже при самомъ открытіи Академіи число Академиковъ полагалось только 12, между тѣмъ какъ Адъюнктовъ, назначавшихся къ дальнѣйшему распространенію образованія, 48, въ томъ числѣ половина непремѣнно изъ Славянскаго народа.

Возвратясь изъ за границы, что же находитъ Ломоносовъ въ этой Академіи? Въ ней, съ самаго ея основанія, свила уже себѣ тепленькое гнѣздышко заѣзжая народность, которая, забывъ, кто она, гдѣ и для чего призва-

на, вздумала распоряжаться, словно въ своемъ домѣ. «поставивъ за законъ, говоритъ Ломоносовъ, Макіавелево ученіе, что все должно употреблять къ своимъ выгодамъ, какъ бы то ни было вредно ближнему, или цѣлому обществу» (Краткая исторія § 71). Альзаскій Нѣмецъ, Шумахеръ, втершись въ знакомство съ племянникомъ Лефорта въ Парижѣ, прибылъ съ нимъ въ Петербургъ и черезъ связи получилъ въ новоучреждаемой Медицинской Канцеляріи мѣсто Секретаря для иностранной переписки, за тѣмъ мѣсто Библіотекаря и Надзирателя Кабинета, помогалъ Блументросту въ составленіи проекта для Академіи Наукъ, который, какъ Президентъ ея, опредѣлилъ его Секретаремъ, поручивъ съ тѣмъ имѣть ему же и часть хозяйственную. «Скудный въ наукахъ и оставивъ вовсе упражненіе въ оныхъ, говоритъ Ломоносовъ, этотъ человѣкъ старался единственно о снисканіи себѣ повѣренности у своего начальника и у другихъ придворныхъ по приватнымъ услугамъ. Опираясь на это, онъ поступалъ съ Академиками не такимъ образомъ, какъ бы должно было ему оказывать себя передъ людьми, такъ ученымъ и въ разсужденіи наукъ великими, но, по высокомѣрію, презиралъ оныхъ, дѣлалъ многія досады и сдѣлался наконецъ бичемъ ихъ (flagellum Professorum). Напрасно печалились они всюду, въ самомъ даже Сенатѣ не могли ничего успѣть, «за тѣмъ что, пріобыкши быть всегда при наукахъ (замѣчаетъ далѣе Ломоносовъ), не навыкли разносить по знатнымъ домамъ поклоновъ». По чему многіе потребовали себѣ увольненія и, такимъ образомъ, тѣ, «кои только великимъ именемъ Петровымъ подвигшись, выѣхали въ Россію, вытѣсненные, отъѣхали,

утирая слезы» (тамъ же, § 65), а на ихъ мѣсто поступили послушные Секретарю. Однихъ привязывалъ онъ къ себѣ «разными послугами, видами на повышеніе, прибавкою жалованья, а другихъ, осмѣливавшихся иногда противорѣчить, смирялъ удержаніемъ онаго, принималъ и отрѣшалъ по своей волѣ, не разсуждая ихъ достоинствъ. но токмо смотря, кто ему былъ болѣе благосклоненъ, или надобенъ. всѣвалъ между ними вражды, вооружая молодшихъ на старшихъ и представляя ихъ Президентамъ безпокойными, пресѣкалъ способы употреблять въ пользу свое знаніе всегдашнею скудостію и недостаткомъ нужныхъ книгъ и инструментовъ, а деньги, на то отпускавшіяся, тратя, по своимъ прихотямъ, на иныя разныя издержки, до наукъ не надлежащія, какъ-то на безпрестанныя починки и перепочинки, при чемъ пользовался безпрерывными подрядами, покупками и выписываніемъ матеріаловъ изъ за моря, такъ что Академія по большей части была преобращена въ фабрику; по чему, по таковымъ пристрастнымъ и коварнымъ поступкамъ не могъ инако состоять Академическій корпусъ, какъ въ великомъ непорядкѣ и въ тратѣ казны, не на то, къ чему она опредѣлена, а на совсѣмъ иное, что стоило многія тысячи, пользы же наукамъ отъ того не было ни какой, кромѣ тѣмъ, коимъ всегдашніе подѣлки и передѣлки прибыль приносятъ. Вышепоказанными вредными происками и утѣсненіями, шумами и сторами, а особливо посторонними и до наукъ не надлежащими дѣлами, коль много въ сорокъ лѣтъ времени потеряно, то можно видѣть изъ худыхъ въ наукахъ успѣховъ, изъ Канцелярскихъ журналовъ, наполненныхъ типографскими, книгопродажными,

грыдоровальныим и другими ремесленныим и торговыим дѣлами, которыми такъ время тратится, что мало досуга остается стараться о главиомъ дѣлѣ, о наукахъ, по чему въ журналахъ хотя многократно представлялось, чтобы оное прекратить, однако безъ успѣха, за тѣмъ, что товарищи мои, замѣчаетъ Ломоносовъ, тѣмъ больше могли себя выставить многодѣльными и прилежными, чего они не могли показать по наукамъ, отъ того въ этѣхъ журналахъ о ученыхъ дѣлахъ рѣдко что и найдется. Естьли бы хотя Университетъ и Гимназія, состоящія при Академіи, были учреждены съ начала, какъ ныиѣ происходятъ подъ особливымъ моимъ смотрѣніемъ, продолжаетъ далѣе Ломоносовъ, гдѣ въ 4 года произведены 20 студентовъ, то по сіе время было бы ихъ въ производствѣ до двухъ сотъ человѣкъ, и чаятельно еще бы многочисленѣе, за тѣмъ что за добрымъ смотрѣніемъ дѣла должны происходить съ приращеніемъ. А коль сіе надобно въ Россіи, показываетъ великій недостатокъ природныхъ Докторовъ, Аптекарей, Лѣкарей, Механиковъ, Юристовъ, ученыхъ Металлурговъ и другихъ, коихъ много бы имѣть можно въ 10 лѣтъ отъ Академіи, между тѣмъ какъ въ правленіе Шумахеромъ въ 30 лѣтъ не произошло ни единаго человѣка!» Да и при завѣдываніи обоими сими учрежденіями Ломоносову иногда до слезъ доходило; ибо, видя бѣдныхъ Гимназистовъ въ скудости, не могъ онъ выпросить для нихъ ничего нужнаго. Все было употреблено, чтобы какъ можно препятствовать Профессорамъ въ преподаваніи, а для большаго въ томъ успѣха, самую даже каѳедру перенесли въ другое мѣсто. Когда были представлены регламенты и штаты для Университета и Гимназіи, со-

ставленные Ломоносовымъ, «на просмотрѣніе и дѣланіе примѣчаній Профессорами», то одинъ изъ нихъ спорилъ противъ числа Студентовъ и Гимназистовъ до того, что наконецъ съ яростію вскричалъ: «Куда, де, столько Студентовъ и Гимназистовъ? Куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ!» — «А это говорилъ онъ, прибавляетъ Ломоносовъ, не свое, но повторялъ только слова своего патрона, который всегда твердилъ и другимъ внушалъ: «Куда намъ со Студентами?» А когда нѣкоторые изъ сихъ молодыхъ людей, «брошенные безъ призрѣнія, скитаясь не малое время въ подлости, вынуждены напослѣдокъ были обратиться съ просьбой въ Сенатъ, который, призвавъ къ отвѣту виновника ихъ бѣды (Шумахера), сдѣлалъ ему чувствительный выговоръ съ угрозами, онъ, возвратясь, главныхъ на себя просителей билъ по щекамъ и высѣкъ батогами» (тамъ же, § 13). Но безпорядки не прекращались, и хотя за нихъ и «пренебреженіе ученія Россійскаго юношества», наряжена была Слѣдственная Коммиссія, грозившая, «за испроверженіе наукъ и похищеніе многой казны», заслуженнымъ наказаніемъ, но по вліянію одного сильнаго тогда при Дворѣ человѣка иностраннаго (Принца Гомбургскаго), все обрушилось на самихъ же жалобщиковъ; они же присуждены были, за ложный яко бы доносъ, къ тѣмъ наказаніямъ, которыхъ былъ бы достоинъ обвиняемый ими, если бы показаніе на него было справедливо, т. е., къ наказанію на тѣлѣ и лишенію состоянія, а подсудимый процессъ, для замиренія, де, со Шведами. Наконецъ въ третій разъ дѣло дошло до Сената: всѣ уже Профессоры Академіи единогласно подали жалобницу въ непорядкахъ и обидахъ,

по чему Сенатъ и указалъ, «чтобъ до наукъ надлежащія дѣла имѣть въ единственномъ вѣдѣніи Профессорскому собранію» (тамъ же § 19); но назначеніе въ Президенты Академіи молодаго Малороссійскаго Гетмана (Графа Разумовскаго) опять спасло виновнаго. «Будучи отъ Россійскаго народу (Президентами до него все были Нѣмцы: Блументростъ, Кейзерлингъ, Корфъ), новый Президентъ могъ бы много успѣть, когда бы хотя не много побольше вникалъ въ дѣла Академическія.» Но подружась съ воспитателемъ Графа, извѣстнымъ Тепловымъ, Начальникъ Канцеляріи Академіи совершенно опуталъ и его, внесши въ новосоставленный и утвержденный Уставъ пунктъ о полномочіи Президента, «который пунктъ съ того времени, восклицаетъ Ломоносовъ, главный есть поводъ худова Академическаго состоянія и нареканія Президенту.» Ссылаясь на него, добрые люди не переставали твердить, что «честь Президентскую наблюдать должно, и противъ его желанія и воли ничего не представлять и не дѣлать, когда что наукамъ въ прямую пользу дѣлать было надобно. Вѣдали, что когда безъ Президента ничего нельзя въ Академіи сдѣлать, а онъ будетъ во всемъ полагаться на нихъ, то, конечно, полномочіе они при себѣ удержатъ. Но Президентская власть не въ томъ состоитъ, замѣчаетъ Ломоносовъ, что власть его важна, но въ томъ, ежели Академію содержитъ въ цвѣтущемъ состояніи, старается о новыхъ приращеніяхъ ожидаемыя отъ ней пользы. Великая власть, употребленная въ противное, приноситъ больше стыда и нареканія» (§ 67). Удивительно ли по тому, что опять многіе Профессоры бросились безъ оглядки бѣжать изъ Россіи (Делиль, Гмс-

лишь, Крафтъ, Гензіусъ, Крузіусъ, Вильде и др.), которые, естественно, не молчали же у себя о томъ, что дѣется въ Петербургской Академіи, такъ что послѣдняя нашлась въ необходимости отправить нарочно за границу на казенный коштъ, подъ видомъ Академическихъ нуждъ, надлежащихъ до книжнаго дѣла, особыхъ людей, коимъ въ инструкціи, между главными пунктами, предписывалось, «въ проѣздѣ своемъ, истреблять худыя мнѣнія объ Академіи и увѣрять объ ея цвѣтущемъ состояніи. Ибо для таковыхъ поступокъ никто не хотѣлъ изъ иностранныхъ ученыхъ вступать болѣе въ Академію, и нужда была принимать на упалыя Профессорскія мѣста людей весьма посредственныхъ, но и тѣ склонялись нарочнымъ лишь увѣщаніемъ.» Отъ того, когда одинъ изъ Профессоровъ Академіи (Штрубъ) попросилъ было въ это время прибавки себѣ, ему отвѣтили: «Нынѣ Академія безъ Академиковъ, Канцелярія безъ Членовъ, Университетъ безъ Студентовъ, правила безъ важности, и наконецъ во всемъ замѣшательство еще по нынѣ неисцѣлимое!» (§ 36).

Каково же все это было видѣть, переносить и, при всемъ усиліи истребить, терпѣть неудачу Ломоносову, съ его свѣтлымъ творческимъ умомъ и страстнымъ чувствомъ, кипучей дѣятельностью и безпредѣльной до самопожертвованія любовью къ наукамъ и водворенію ихъ въ обожаемой имъ родной землѣ? Ломоносову уже съ перваго шага его въ Академію подставлены были зоркимъ набродомъ преподы, чуявшимъ, какого полета прилетѣла пташка въ ихъ палестины, преподы, время отъ времени возраставшія все болѣе и болѣе. И чего онъ

не испыталъ: четыре года безполезно хлопочетъ объ устройствѣ, для упражненія въ своей Химической наукѣ, при Академіи лабораторіи, и когда, по вмѣшательству въ это дѣло самой Государыни, устроена была она, вызвали изъ Голландіи другаго (Бургава) на его мѣсто Профессоромъ, а его сбирались опредѣлить къ переводамъ (§ 26—27); потомъ отнимаютъ у него помѣщеніе въ Академіи (§ 29); отрѣшаютъ отъ присутствія въ Профессорскомъ Собраніи (§ 35); скопомъ возстаютъ противъ пожалованія его въ V классъ, хотя онъ въ прежнемъ состоялъ уже девятый годъ, служа около 30 лѣтъ и отправляя до 4-хъ профессій сверхъ дѣлъ канцелярскихъ (§ 39); заподозриваютъ открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя имъ въ любимыхъ его наукахъ; препятствуютъ въ чтеніи лекцій въ Университетѣ и Гимназіи; стараются удалить оба учрежденія изъ Академическаго корпуса, а пріобрѣтенное новое зданіе для нихъ отдать подъ типографскія и другія ремесленныя дѣла (§ 51—52), такъ что необыкновенныхъ усилій стоило Ломоносову не допустить, чтобы, какъ выражался онъ, Нѣмецкая фабрика не явилась въ лучшемъ состояніи, нежели науки (Протоколы 1764, 10 и 13 Сентября, стат. 4, 5 и 11, въ «Чтеніяхъ», стр. 158—160); мѣшаютъ по управленію Географическимъ Департаментомъ, не допуская до отправленія предложенныхъ имъ экспедицій въ разныя мѣста Россіи, и когда, не смотря на то, «по новому расположенію сочинены спеціяльныя карты, несравненно полнѣе и исправнѣе прежнихъ, онѣ не были печатанія удостоены по тому лишь, что примѣчены неисправности въ наименованіи нѣкоторыхъ Чухонскихъ деревень» (§§ 53—54); послѣ, придравшись къ тому, что въ этомъ Департаментѣ

дѣло идетъ медленно, отдаютъ его другому (§ 55); останавливаютъ самое изданіе нѣкоторыхъ его сочиненій (на примѣръ, Грамматики на Нѣмецкомъ языкѣ); отмалчиваются на запросъ Правительства, въ какихъ именно городахъ слѣдуетъ завести Гимназіи, запросъ, вызванный особою запиской Ломоносова, поданной Шувалову; наконецъ, не только отнимаютъ у него Университетъ и Гимназію, но и самого его выживаютъ изъ Академіи, и только, благодаря Орлову, считавшему, подобно Шувалову и Воронцову, за особую честь пользоваться его знакомствомъ, помогать и вступаться за него, повелѣніе это отмѣнено, и онъ остался при Академіи.

Какъ ни сильны были, однако, покровители Ломоносова, а ему не суждено было видѣть осуществленіе единственнаго и верховнаго его желанія, «привести въ вожделѣнное теченіе Академическія Гимназію и Университетъ, откуда могли, по его мнѣнію, произойти многочисленные Ломоносовы.» Убѣдившись въ тщетѣ своихъ усилій, онъ было задумалъ устроить отдѣльный Университетъ,—и снова потерпѣлъ полную неудачу. Напрасно представлялъ онъ, что «спмъ всѣ истинные сыны Отечества отъ уныній возставлены, или лучше, воскрешены будутъ, а злые недоброхоты Россійскіе, въ коварныхъ своихъ происках, не такъ станутъ посягать на насъ дерзостно». Напрасно восклицалъ: «Нынѣ время златоій знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія (въ которое, прибавляетъ онъ, я было самъ первый попалъ) избавить возлюбленный Россійскій родъ!» (Письмо къ Орлову, отъ 26-го Іюля, 1762 г.). Новый Университетъ не былъ открытъ, да и бывшій

при Академіи неполный векоръ закрыли. Но Ломоносовъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, горести видѣть то за жизни своей, и утѣшалъ себя хоть тѣмъ, что посчастливилось таки ему «въ отчаяніи сѣтующее учащееся Россійское юношество оживить учрежденіемъ Университета въ сердцѣ Руси, при заведеніи коего, по собственнымъ его словамъ, онъ былъ «не просто участникомъ, но и первую причину къ основанію его подалъ» (§ 67).

Стало быть, постоянною руководящею мыслію Ломоносова въ его Академической борьбѣ было: желаніе очистить Академію Наукъ отъ тѣхъ безпорядковъ въ ней, которые возмущали его и всѣхъ благомыслящихъ и истинныхъ сыновъ Россійскихъ, чтобъ она была, «не для однихъ чужестранныхъ, но паче для своихъ; чтобы въ ней происходило обученіе Россійскаго народа молодыхъ людей, а не иныхъ, въ которыхъ Россійской Имперіи ни какой пользы быть не можетъ; чрезъ такіе непорядки и нерадѣніе никто изъ Россійскихъ людей съ начала Академіи не произведенъ», писалъ онъ Сенату уже въ 1742 году (въ Доношеніи Нартова, Совѣтника Академической Канцеляріи), т. е., при самомъ вступленіи своемъ въ Академію, и никогда не переставалъ твердить то и стремиться къ осуществленію онаго, такъ что еще за полгода передъ смертью входилъ съ представленіемъ «объ отложеніи выписыванія изъ за моря въ Академію иностранныхъ Профессоровъ, а о наученіи и произведеніи Россійскихъ природныхъ, посылая ихъ въ иностранные Университеты» (Протоколъ Академ. Наукъ 10-го Сентября, 1764 г., въ «Чтеніяхъ», стр. 158, ст. 1). Слѣдовательно, вопросъ шелъ собственно объ утвержде-

ній наукъ въ Россіи, для чего требовалось прежде всего. конечно, вывести Академію на настоящій путь, указанный ей самимъ Петромъ Великимъ, «обучивъ, черезъ посредство вызванныхъ въ нее заграничныхъ ученыхъ, Русскихъ молодыхъ людей, которые бы, бывъ помощниками своимъ наставникамъ, въ послѣдствіи смѣнили ихъ и, такимъ образомъ, Академія не только довольствовала бы сама себя своими учеными, но размножала ихъ и распространяла по всей Русской землѣ», была бы въ полномъ смыслѣ Русской въ Русскомъ Царствѣ. Понятно, по тому, что вольтельство Ломоносова за науки въ Россіи съ недоброхотами ихъ, коими были не одни лишь Канцелярскіе, но, за весьма немногими исключеніями, почти всѣ не отъ Россійскаго рода, глядѣвшіе на Россію, какъ на прибыльную статью, оставить которую за собой и своими подольше не прочь былъ каждый, вольтельство Ломоносова, говорю, составляло самое существенное явленіе въ его жизни, не будь котораго и Ломоносовъ не былъ бы вполнѣ Ломоносовымъ. Ибо кабинетная дѣятельность его никогда не разладила съ гражданскою, имѣя для себя одинъ и тотъ же источникъ, одинѣ и тѣ же побужденія и цѣли. При такомъ гармоническомъ настроеніи всѣхъ душевныхъ силъ, его не страшило число противниковъ, которые подымались на него отдѣльно и цѣлымъ соборомъ.

Самые недостатки Ломоносова (отъ которыхъ, повторяю, никто несвободенъ, какъ человѣкъ) проистекали, по большей части, отъ ревности его при осуществленіи своихъ плановъ, отъ увлеченія и, какъ извѣстно теперь, отъ систематически намѣреннаго во многихъ случаяхъ противорѣчія

его недруговъ, которые, зная пылкій его нравъ и горячесть, умышленно вызывали его на какое ни будь невзвѣшенное слово, неосмотрительный поступокъ, и, получивъ то, первые же били въ набатъ, спѣшили съ доносомъ и жалобой на обидчика. Такъ было при разсужденіи о власти Президента по поводу пересмотра Устава Академіи въ 1755 году, когда Теплов всѣ предложенія Ломоносова объ обязанностяхъ Президента нарочно сводилъ на то, что онъ своими разсужденіями оскорбляетъ начальника, хотя онъ предварилъ въ самомъ началѣ, что, говоря о Президентской обязанности, всегда будетъ разумѣть Президентовъ вообще, а не именно Графа Гетмана, и своимъ притворно кроткимъ видомъ и плохо замаскированной неблагонамѣренностью довелъ Ломоносова до того, что тотъ назвалъ его подъячимъ и т. п. Такъ было въ дѣлѣ съ Миллеромъ, который, по увѣренію Ломоносова, до того заѣлся со всѣми почти Профессорами, что въ спорахъ никому не хотѣлъ уступить, ничего отмѣнить при просмотрѣ въ Профессорскомъ Собраніи 1-го тома его Сибирской Исторіи, и, дѣйствуя всегда съ отъявленными врагами Ломоносова, во всемъ прочемъ постоянно враждуя съ ними (§ 55), понятно, заставилъ Ломоносова смотрѣть на него, какъ на недруга Русскаго просвѣщенія, желавшаго унизить его публично въ Рѣчи, предназначавшейся для произнесенія въ торжественномъ собраніи (1749 г.), выводя въ ней имя и начало Русскихъ отъ всегдашнихъ ихъ враговъ—Шведовъ, и доказывая, въ слѣдъ за Байеромъ, что Варяго-Руссы были Норманы. По тогдашнему времени, Государственнымъ отношеніямъ нашимъ, особливо къ сосѣдямъ, съ которыми недавно еще были въ войнѣ (съ Шведами)

и готовились къ другой (съ Пруссіей, по настоящю Австріи), по замысламъ Нѣмцевъ въ предыдущее царствованіе, когда даже въ Шляхетномъ Корпусѣ учили благородное Россійское Дворянство Универсальной Исторіи и Исторіи Нѣмецкаго Государства, но не Исторіи Русской, замысламъ, правда, пріутихшимъ съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы въ мірѣ административномъ, но не въ мірѣ Академическомъ, по всѣмъ симъ обстоятельствамъ, естественно, Ломоносовъ, стоявшій въ челѣ борцевъ за свое на родной землѣ, заподозрилъ своего давишняго и открытаго соперника въ зломъ умыслѣ противъ чести Государства, и обвинилъ его въ оскорбленіи ея. При этомъ и Миллеръ велъ себя съ противниками и судьями дозельзя возмутительно, ругая и безчестя ихъ словесно и письменно, грозя палкою и назвавъ того же самаго Теплова въ домѣ Президента, гораздо болѣе крѣпкимъ словцомъ, чѣмъ какимъ Ломоносовъ подарилъ его (§ 32). Такъ было и съ Шлецеромъ. Имѣя порученіе отъ самой Императрицы, «желавшей видѣть Россійскую Исторію, написанной его штилемъ,» Ломоносовъ съ жаромъ занялся собраніемъ къ тому нужныхъ матеріяловъ, даже вынужденъ былъ объявить, какъ ни тяжело то было ему, что, при такой работѣ, «онъ не часть уже такъ свободно упражняться въ самой любимѣйшей своей наукѣ, Химіи» (§ 29). И вотъ является иноземецъ, выписанный ненавистнымъ ему Миллеромъ себѣ для вспоможенія, становится весьма удобнымъ орудіемъ въ рукахъ анти-Русской стороны, открывшей ему доступъ къ рукописямъ и т. п. и даже требовавшей, чтобы онъ передалъ въ употребленіе свои историческіе матеріялы и самыя сочине-

нія только что «начинавшему учиться Русскому языку» (§ 63). Испытывая все это, слыша къ тому Миллеровы жалобы и представленія, и опасаясь, чтобы не возпослѣдовали такія же неудовольствія, какія были прежде отъ иностранныхъ, изъ Россіи выѣзжихъ, Ломоносовъ сильно вооружается противъ этого, по его убѣжденію, выскочки, насильно навязываемаго Академіи, обличаетъ его въ неблагодарности къ выписавшему его и благодѣтельствовавшему переходомъ въ противный станъ, честитъ буйствомъ письменное требованіе его историческихъ трудовъ, а сочиненія его называетъ мелочами, для ученаго свѣта неважными. Дѣйствительно, Шлецеръ до этого времени издалъ въ Россіи только: «О избраніи Королей въ Польшѣ,» печаталъ свою «Русскую Грамматику,» преисполненную, какъ замѣчаетъ Ломоносовъ, непростительныхъ погрѣшностей,» и представилъ Академіи записку, какимъ образомъ можно составить Древнюю Русскую Исторію, въ которой доказывалъ необходимость обратить вниманіе на Византійскихъ писателей. «Но на сей конецъ, говоритъ Ломоносовъ, уже за нѣсколько лѣтъ изыскано мною не токмо все, что въ Славенскихъ и съ ними сплетенныхъ писателяхъ, но и въ древнѣйшихъ Греческихъ (Геродотѣ, Страбонѣ, Птоломеѣ и др.) много прінскано для примѣчаній на древнюю часть Россійскія Исторіи. Въ семъ случаѣ разсудить можно, сколько мнѣ помогло совершенное знаніе Россійскаго и Славенскаго языка, также и разумѣніе другихъ, имъ сродныхъ, діалектовъ, сверхъ того обширное чтеніе книгъ нашихъ историческихъ и отъ молодыхъ лѣтъ обращеніе въ церковныхъ обрядахъ и служебныхъ книгахъ, кои, по единству Вѣры, многіе пред-

ставляютъ способы къ изъясненію нашихъ дѣлъ по Византійскимъ писателямъ, чѣмъ ни какой иностранецъ пользоваться не можетъ. По тому старанія Шлецеровы о семъ дѣлѣ намъ непадобны (заключалъ онъ), а паче еще могутъ быть вредны по его прошибкамъ и по склонности къ предосудительнымъ шуткамъ» (Мнѣніе Ломоносова, поданное въ Профессорское засѣданіе 11 Октября, 1764 г.).

Совершенствовать науку вездѣ можно, а на неподготовленіи почвѣ — неразумно; помогать совершенствованію можно гораздо проще, не вводя никого въ заблужденіе, что и мы, де, помимо вещественнаго вклада, участвуемъ въ томъ еще умственнымъ, который, какъ не отъ насъ, то и не нашъ. Да и матеріяльная жертва наша не вызоветъ спасибо со стороны тѣхъ, кто самъ не бѣдпѣе насъ, а развѣ только заставитъ улыбнуться при видѣ такой нерасчетливой и безполезной для себя затраты. Стало быть, не это побуждало Ломоносова такъ горячо вступаться за науку въ Россіи: сама Академія сознается теперь, что такая цѣль основателя ея въ ту пору была еще несвоевременная, но другая, болѣе практичная, и за нее-то Ломоносовъ со всѣмъ пыломъ души ухватился и старался, не смотря ни на какія препятствія, содѣйствовать осуществленію ея, хоть бы пришлось поплатиться за то всѣмъ, что только можетъ быть дорого для человѣка на землѣ. Онъ зналъ хорошо, извѣдавъ на себѣ самомъ, что прежде слѣдуетъ усвоить добытое другими и, переваривъ усвоенное, стремиться къ самодѣятельности и самостоятельности, расширять предѣлы человѣческаго вѣдѣнія, «принести и отъ себя ленту въ общую сокровищницу.»

Изнемогая отъ долговременной и упорной борьбы, видя со всѣхъ сторонъ одинъ лишь черныя тучи на родномъ небосклонѣ, этотъ, сколько геніяльный, столько же несокрушимой воли мужъ, никогда не унывавшій, но вѣчно свѣтлый и острый, говорилъ: «Науки претерпѣваютъ крайнее препятствіе, производятся новыя неудовольствія и нѣтъ къ лучшему надежды. Едино упованіе состоитъ, по Бозѣ, во всемилостивѣйшей Государынѣ нашей, которая, отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ Отечества, можетъ быть, разсмотритъ и отвратитъ сіе несчастіе. Ежели жь того не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи» (§ 71). Но, какъ извѣстно, заступленія не воспослѣдовало, и онъ, лежа уже на смертномъ одрѣ, съ грустью шепталъ одному изъ близкихъ къ нему: «Другъ мой! Я примѣчаю, что мнѣ скоро умереть: на смерть взираю равнодушно, но сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы Отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія намѣренія мои исчезнутъ вмѣстѣ со мною.» (Жизнь Ломоносова, въ Собраніи разныхъ сочиненій его, изд. 1803 г. С.-Пб., стр. XLIV).

Благія намѣренія его такъ таки и исчезли съ нимъ: то, на что въ особенности и больше всего напиралъ Ломоносовъ — Академическій Университетъ, — вскорѣ, какъ замѣчено выше, по кончинѣ его былъ закрытъ, и этой мѣрой набродная стихія до того усилилась, что ее ничто уже не

въ силахъ было подорвать: ни на значеніе Президентовъ изъ Россійскаго рода, ни поступленіе въ ряды Академиковъ сыновъ Россійскихъ, что, впрочемъ, происходило тогда лишь, когда не представлялось ни какой возможности избѣжать того. Но этѣ немногіе Русскіе и подавну уже не могли продолжать задачи Ломоносова, по тоій простой причинѣ, что ни въ одномъ изъ нихъ ничего не было Ломоносовскаго; при томъ каждыій видѣлъ печальныій исходъ его исполинской борьбы. Да и то надо замѣтить, что всѣ, вступавшіе въ этомъ своеобразныій міръ, до того проникались духомъ и складомъ его, что почти всегда поглощались имъ, мыслили, чувствовали и дѣйствовали, словно вскормленные и вспоенные въ немъ, очень часто въ ревности о благосостояніи его обгоняя самихъ сѣдящихъ на коніѣ. Удивителыо ли, что Ломоносовъ и въ современныхъ ему Русскихъ Академикахъ не видѣлъ лица Русскаго? Если въ наше время Русскимъ Академикамъ частенько таки приходится слышать отъ своихъ инородныхъ товарищей возгласы: «Вы, Русскіе Академики!...» (съ извѣстнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ и ударсніемъ на словѣ «Русскіе»), что же слышали они, забитые и загнанные пришлыми отъ четырехъ вѣтровъ, въ Ломоносовское время, когда Варяжская стихія въ Русской Академіи господствовала, всѣмъ заправляла, все гнула на свою дугу, открыто глумилась надъ всѣмъ Русскимъ, особливо Русскимъ умомъ, наукоій?

Съ этой точки зрѣнія, думаю, слѣдуетъ смотрѣть на многотрудныій подвигъ мужа, память котораго мы, поздпее, но признательное, потомство, собрались сегодня по-

чтить въ храмѣ, обязанномъ ему своимъ бытіемъ, «славя Отечество наше съ таковымъ гражданиномъ (какъ сказано въ надписи на величественномъ памятникѣ, воздвигнутомъ на гробѣ его однимъ изъ его почитателей-Меценатовъ) и горестно соболѣзнуя объ его кончинѣ,» и о неудачахъ, понесенныхъ имъ и «препятствовавшихъ простираться ему еще далѣе въ полезныхъ и славныхъ Отечеству его упражненіяхъ» (Письмо къ Шувалову 1754 г.). Разсмотрѣвъ его дѣла и творенія, дѣйствительно убѣждаемся, что онъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ первыхъ его біографовъ (въ Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ. С.-Пб. 1772 г.), «былъ мужъ великаго разума, высокаго духа и глубокаго ученія; бодрость и твердость его оказывались во всѣхъ его предпріятіяхъ;» онъ «служилъ (читаемъ далѣе на его памятникѣ) знатнымъ украшеніемъ Отечеству, Краснорѣчія, Стихотворства и Исторіи Россійской учитель, Музѣ первый въ Россіи безъ руководства изобрѣтатель (pictor autodidactos),» и, смѣло прибавимъ мы къ этому голосу современниковъ его, былъ творецъ нынѣшняго письменнаго языка и Словесности, какъ Петръ, котораго столько боготворилъ и воспѣвалъ, творецъ нашего Государства, а «соединяя необыкновенную силу воли, по замѣчанію Пушкина, съ необыкновенною силою понятія, обнималъ всѣ отрасли просвѣщенія,» былъ пламенный жрецъ и неутомимый требователь его, проповѣдникъ и распространитель въ Отечествѣ своемъ почти всѣхъ знаній человѣческихъ, въ коихъ сталъ виновникомъ многихъ самыхъ замѣчательныхъ открытій, «эмпирикъ и идеалистъ» попеременно, первый руководитель и направитель мышленія и вѣдѣнія роднаго, первый чисто своей

дѣятель науки, безстрашный борецъ за Русь и все Русское на Русской землѣ, подвижникъ и наставникъ нашъ, какъ намъ трудиться, одолѣвать неодолимое, стремиться, какъ выражались Римляне, per angusta ad augusta, какъ изжить жизнь, чтобъ и насъ помянули такимъ же добрымъ словомъ, какимъ мы, правнуки, поминаемъ его, прадѣда нашего; теперь, въ своей безпредѣльной къ нему признательности за его труды и подвиги, поднятые для Россіи, короче: какъ намъ надо служить своему народу и родинѣ и любить ихъ, чтобы и объ насъ сказали: «Онъ Русскій, онъ соотечественникъ Ломоносова!» Хотя и почилъ онъ давно уже отъ дѣлъ и дѣланія своего, но, оставивъ по себѣ имя паче тысящъ, вѣчно будетъ присущъ намъ, по крайней мѣрѣ, дотолѣ, пока Святорусская земля стоитъ, пока на Руси Русскій духъ живетъ, или, какъ говоритъ нашъ народъ, Русью пахнетъ.

Я съ намѣреніемъ выбралъ предметомъ для себя въ этотъ торжественный день, посвященный празднованію памяти нашего приснопамятнаго воителя за насажденіе науки на Русской землѣ, для Русскихъ и посредствомъ Русскихъ, отношеніе его къ тому учрежденію, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, и показалъ, смѣю думать, основываясь на однихъ лишь подлинникахъ и излагая, для предупрежденія недоразумѣній, гдѣ то нужно было, почти все словами ихъ, его настоящее значеніе для столь любезной сердцу его Россіи. А насъ хотятъ, между тѣмъ, увѣрить, будто вся борьба Ломоносова за науку съ недоброхотами ея, какъ онъ обыкновенно выражался, происходила единственно отъ случайныхъ столкновеній съ

современными ему Академиками, отъ несовершенствъ тогдашняго Академическаго управленія, и отъ его характера горячаго, пылкаго и настойчиваго, забывая, что самъ же онъ сказалъ объ этомъ: «Я къ сему себя посвятилъ, говоритъ онъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ. Стоялъ за нихъ съ молода, на старости не покину» (Письмо къ Теплову 1761 г.). Стало быть, одно изъ двухъ: или тѣ, кто утверждаетъ это, не совсѣмъ вникли въ его показанія, не сообразили ихъ съ его дѣятельностью, или же, какъ называютъ такихъ людей Сербы, суть уже сувыше мудры.

О. Бодянскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Рѣчь на поминовеніе М. В. Ломоносова, произнесенная въ церкви Московскаго Университета Настоятелемъ оной, Профессоромъ Богословія, Священникомъ П. А. Сергіевскимъ. . . . . 1.

Очеркъ состоянія Россіи въ эпоху дѣятельности Ломоносова. С. М. Соловьева. . . . . 5.

Ломоносовъ, какъ Минералогъ и Геологъ. Г. Е. Щуровскаго. . . . . 19.

Ломоносовъ, какъ Химикъ. Н. Э. Лясковскаго. . . . 57.

Ломоносовъ, какъ Грамматикъ. О. И. Буслаева. . . 67.

О Литературной дѣятельности Ломоносова. П. С. Тихонравова. . . . . 75.

Ломоносовъ, какъ Профессоръ-Академикъ. О. М. Бодянскаго. . . . . 89.